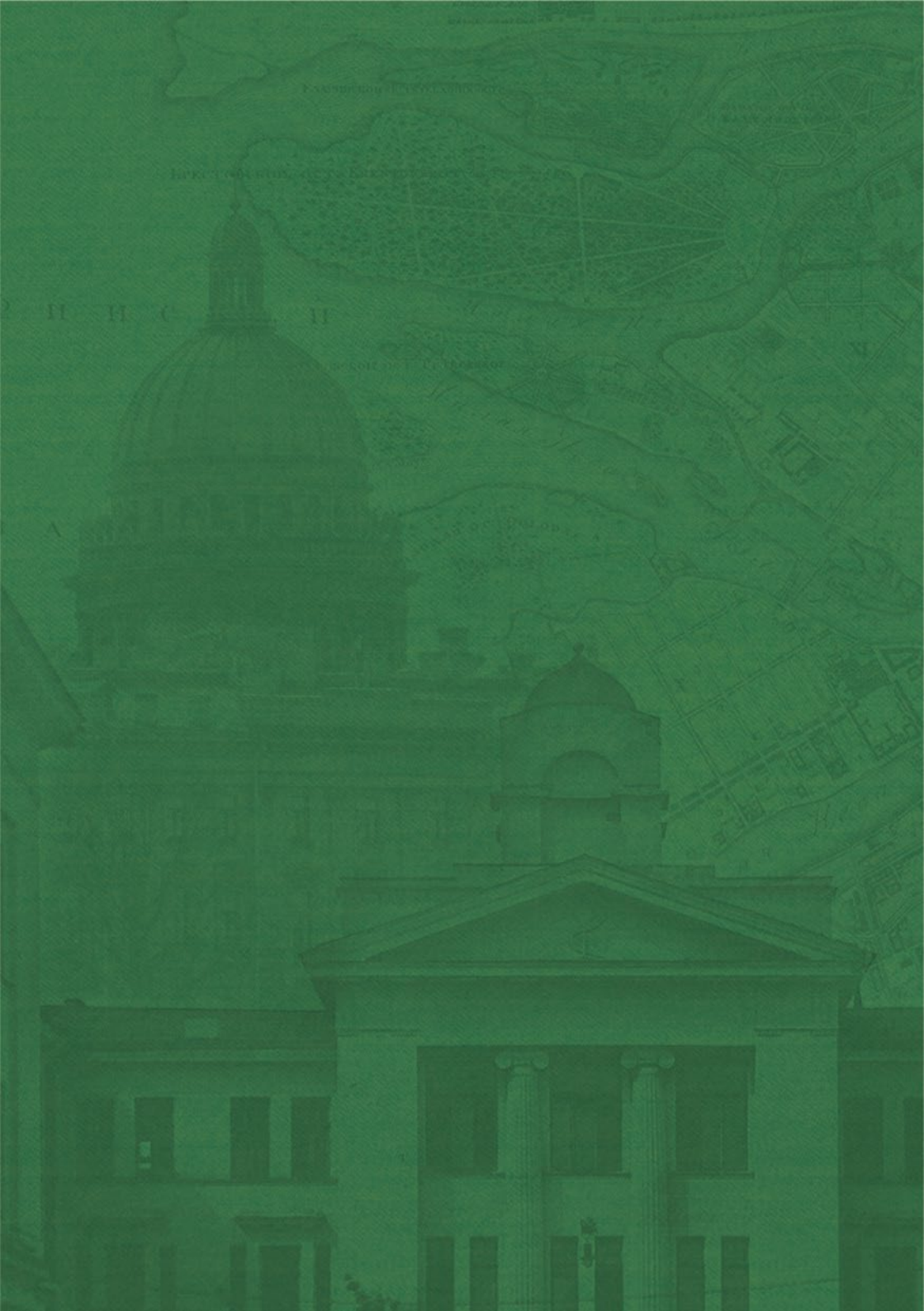
Топонимический АЛЬМАНАХ

№1(17) 2023



СОДЕРЖАНИЕ

Исторические исследования: Петербург

М. В. Романовская, А. Н. Колесин
Императорская Николаевская детская больница:
время и место. Часть 1 2

А. Ю. Алексеев
Проездом через «Красных Комиссаров» 31

Б. Н. Тихомиров
Гоголь, Достоевский и другие 44

Книжный компас

Новые книги о Колпине 56

Сведения об авторах 60

М. В. Романовская, А. Н. Колесин

ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА: ВРЕМЯ И МЕСТО

ЧАСТЬ 1. ВРЕМЯ. ХРОНОЛОГИЯ РОЖДЕНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ»

Государственная власть — самый лучший врач.
И. Л. Данилевский

Хронологическая последовательность событий 1834 г., развивавшихся в русле возникшей в XVIII в. «концепции медицинской полиции», напрямую связана с «перекрёстками судеб» первой в России детской больницы. Культурно-исторический ландшафт Санкт-Петербурга начала XIX столетия определялся, кроме всего прочего, формированием государственной системы помощи нуждающимся группам населения (детям-сиротам, престарелым и инвалидам, малообеспеченным семьям, нищим). «*Создание государственных систем подготовки медицинских кадров и призрения социально незащищённых групп населения стало одним из важнейших инструментов государственного управления в Австрии, Франции, Пруссии и России*»[1]. Наряду с деятельностью органов государственной власти огромную роль здесь сыграл феномен российской благотворительности, порождённый национальными особенностями русского народа. Одним из безусловных проявлений социального творчества в истории отечественной медицины стало возникновение Санкт-Петербургской детской больницы.

Помня заветы М. В. Ломоносова о воспроизводстве здорового народонаселения, «*в чём и состоит величество, могущество и богатство всего государства*»[2], в преддверии десятилетней годовщины правления императора Николая I сенатор А. И. Апраксин[3], лейб-медик Н. Ф. Арендт[4]

[1] *Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* Становление государственной медицины во второй половине XVIII — первой половине XIX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 2. С. 41–45.

[2] *Ломоносов М. В.* О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.

[3] Александр Иванович Апраксин (1782–1848), граф, потомок древнего русского рода, полковник, участник наполеоновских войн, тайный советник, сенатор. См.: Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 2. СПб., 1900.

[4] Николай Фёдорович Арендт (Nicolaus Martin von Arendt; 1786–1859), врач-хирург, потомок немецкого ремесленника-эмигранта, сын штаб-лекаря, выпускник Санкт-Петербургской Императорской медико-хирур-

и доктор К. И. Фридебург[5] в январе 1834 г. обратились к самодержцу с ходатайством об открытии в столице инфекционной детской больницы «*на счёт добровольных приношений*». Просьбу государю передал его личный врач Н. Ф. Арендт. В ответ велено было представить проект устройства больницы. Во всеподданнейшей записке, поданной в первых числах февраля «*Государю Императору Николаю Павловичу графом Ал. Хр. Бенкендорфом*[6], *принявшим живое участие в этом благотворительном предприятии*», была прописана концепция создания больницы. «*Остаётся, однако же, ещё одна часть общества, чающая благотворного на себя влияния сострадательности. Часть сия есть малолетние дети,— основа будущего поколения, которые, к несчастию, будучи более других подвержены разным прилипчивым болезням, их возрасту свойственным, как-то: оспе, скарлатине, кори и многим другим тяжким кожным и острым недугам, в первое ещё время младенческой жизни своей похищаются преждевременно у отечества. Пагубные действия и последствия сих недугов, ощутительны во всех почти классах населения, но преимущественно в среднем и низшем, не имеющем, по крайней бедности, никаких средств не только отделить заражающегося ребёнка от здоровых, наблюдать необходимую чистоту и содержать в жилищах свежий и чистый воздух, но даже доставить занемогшему необходимое, как врачебное, так и вообще диэтическое пособие*»[7].

8 февраля император повелел передать проект Устава на рассмотрение министра внутренних дел графа Д. Н. Блудова[8], который, в свою очередь, представил его 10 февраля

гической академии (1805), доктор медицины и хирургии (1821), действительный статский советник (1849), лейб-хирург Николая I (1829–1849) и Александра II (1855–1859). См.: Николай Фёдорович Арендт. Придворные медики. См.: http://repka.ee/?page=portret&block_id=7&sect=31&sub=330.

[5] Карл Иванович Фридебург (Karl Ernst Ephraim Friedeburg, 1786–1835), военный врач, герой Отечественной войны 1812 г. Участвовал в сражениях при Островно, Заболотье, Бородино, Винково, Малоярославце, Вязьме и Дорогобуже. За отличное усердие к службе 18 декабря 1812 г. пожалован в коллежские асессоры. См.: Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // http://officers.wardoc.ru/medic.php.

[6] Александр Христофорович Бенкендорф (Konstantin Alexander Karl Wilhelm Christoph Graf von Benckendorff; 1782–1844), граф, военачальник, флигель-адъютант императора Александра I; генерал от кавалерии, шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии при Николае I (1826–1844). См.: http://www.peoples.ru/state/statesmen/benkendorf.

[7] *Томашевский Л. И.* Исторический очерк пятидесятилетнего существования С.-Петербургской Николаевской детской больницы (1834–1884). СПб., 1884. С. 4–5.

[8] Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), граф, русский государственный деятель и литератор, дипломат, министр внутренних дел, главноуправляющий II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, председатель Государственного совета Российской империи (1862–1864) и Комитета (кабинета) министров (1861–1864). Действительный тайный советник. Вместе с Д. В. Дашковым стоял у истоков литературного общества «Арзамас». Президент Петербургской Академии наук с 1855 г. См.: https://land.lib33.ru/site/publication/3479.

на экспертизу Медицинского совета, «*высшего государственного врачебно-учёного, врачебно-полицейского и врачебно-судебного учреждения, созданного в 1803 г. при Министерстве внутренних дел. Все преобразования по медицинской части перед внесением на Высочайшее утверждение должны были пройти обсуждение в Медицинском совете*»[9]. Члены Медицинского совета в течение месяца изучали представленные документы, вносили свои правки, изменения, предложения и, поддержав проект по существу, возвратили его министру внутренних дел для согласования с Кабинетом министров и учредителями больницы.

11 апреля, за одиннадцать дней до Светлой Пасхи[10], медицинский департамент МВД Российской империи выдал своё определение. В нём содержалась полноценная концепция многопрофильного медицинского учреждения и цель социальной политики государства в организации детского здравоохранения. Приводим текст определения Медицинского департамента с кратким изложением существа дела и заключением министра.

«*Министерство Внутренних Дел.*
Департамент Медицинский.
Отдел 1. Стол 1.
11 Апрель 1834. № 521.
Об учреждении в Санктпетербурге, на счёт добровольных приношений, детской лечебницы.

Изложение дела: ***По Высочайшему Его Императорского Величества повелению,*** *Г. Генерал Адъютант Граф Бенкендорф препроводил ко мне Проэкт об учреждении в Санктпетербурге Детской Лечебницы для прилипчивых болезней.*

По сему Проэкту, подписанному Попечителем Калинкинской больницы Действительным Статским Советником Графом Апраксиным, Лейб-Медиком Действительным Статским Советником Арендтом и Доктором Статским Советником Фридебургом, предполагается учредить в Санктпетербурге на щёт добровольных приношений Лечебницу для принятия детей, одержимых оспою, корью, скарлатиною, краснухою, крапивною лихорадкою, гнилою и нервною горячкою[11]*, крупом и коклюшем, с тою целию, что бы сею Медицинско-Полицейскою мерою искоренить со временем эпидемическое свойство сих болезней и предохранить Столицу от пагубных следствий сих недугов.*

---

[9] *Яковлев К. Л.* К вопросу о статусе Медицинского совета Министерства внутренних дел в дореформенной России // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 91–93.

[10] В 1834 г. Пасха приходилась на 22 апреля.

[11] Гнилая и нервная горячка — тиф (сыпной, брюшной и возвратный). Брюшной тиф, а также паратиф А и В провоцируют Salmonella typhi, Salmonella paratyphi, Salmonella schottmuelleri. У этих заболеваний сходные клинические и патогенетические проявления, развивающиеся вследствие интоксикационного поражения лимфатической системы кишечника. См.: https://medside.ru/tif-bryushnoj-tif-sypnoj-i-vozvratnyj.

Гюо Е. Портрет графа Апраксина Александра Ивановича, сенатора. Цветная литография. 1846

Мошарский А. О. Портрет Николая Фёдоровича Арендта. Литография. До 1839

Карл Иванович Фридебург, инспектор физиката. Гелиогравюра (?). До 1834

Проэкт сей предлагал я на рассмотрение Медицинского Совета. Совет, находя изъяснённое в оном предположение весьма полезным и заслуживающим всякого одобрения со стороны Правительства, присовокупил своё мнение, что как эпидемические детские болезни случаются временно и продолжаются не более одного или двух месяцев, то, дабы больница сия в остальное время не оставалась праздною и без всякого действия, Совет полагал бы, для достижения в полной мере благотворительной цели сего заведения, дозволить принимать в оное детей, одержимых и другими болезнями, как то: золотухою, Английскою болезнию[12]*, детскою сухоткою*[13]*, хроническими накожными сыпями и другими недугами, сему возрасту свойственными, коим более всего подвержены дети среднего и бедного состояния людей. Сии болезни, поражающие нежный возраст детей, бывают причиною необыкновенной смертности их, почему требуют преимущественно-деятельного пособия врачей и призрения в сём благотворительном заведении, нежели с первыми, с коими детей переносить из домов весьма неудобно и даже опасно.*

[12] Английская болезнь — авитаминоз D, возникающий в результате значительного уменьшения прозрачности атмосферы из-за дефицита солнечной энергии, необходимой для синтеза в человеческом организме витамина D. Отсутствие этого витамина вызывает сильное отставание организма в росте (рахитизм). См. https://ecolog.academic.ru/2491.

[13] Детская сухотка (tabes mesenterica) — золотушное поражение брыжеечных желёз, характеризующееся совокупностью симптомов: исхудание, изнурительная лихорадка, выражающаяся особенно в ночных потах, аппетит, попеременно сухой гортанный кашель и понос. См.: https://1796web.com/homeopathy/essence/hughes/manual/hughes47.htm.

Для заразительных же детских болезней, выше сего поименованных, по мнению Совета, достаточно иметь особое отделение в сём заведении, ибо при господствующих эпидемических болезнях нет никакой возможности помещать всех заболевающих в больницу, да в этом и нет никакой крайней надобности, потому что отделение больных от здоровых не может уничтожить повсеместного поветрия болезни в целом городе и его окрестностях.

Заключение: Согласно вышеизъяснённому мнению Медицинскаго Совета, я, прилагая у сего помянутый Проэкт, полагаю:

1-е) Учредить в Санктпетербурге на счёт добровольных пожертвований детскую Лечебницу.

2-е) Дозволить принимать в оную детей, одержимых и другими, кроме заразительных, свойственными их возрасту болезнями, как то: золотухою, Английскою болезнию, детскою сухоткою, хроническими накожными сыпями и проч.

3-е) Для заразительных детских болезней, и именно: оспы, кори, скарлатины, краснухи, крапивной лихорадки, гнилой и нервной горячки, крупа и коклюша, иметь при сей больнице особое отделение.

И 4-е) Сообразно сему сделать изменения и дополнения и в означенном Проэкте, составленном для однех только заразительных болезней, и представить оный в своё время на утверждение Министерства Внутренних Дел.

О сём имею честь представить на разрешение Комитета Г.г. Министров.

*Подписал: **Министр Внутренних Дел, Статс-Секретарь Д. Блудов**.*

Скрепил: Директор Саражинович. Верно. Директор Саражинович»[14].

В конце апреля учредители представили в МВД изменённый текст Устава. 1 мая 1834 г. Николай I утвердил проект создания Санктпетербургской детской лечебницы[15]. Этот день и был объявлен датой её основания.

16 июля министр представил Устав на рассмотрение и утверждение Кабинета министров. 17 июля император назначил графа А. Х. Бенкендорфа пожизненным почётным попечителем детской больницы.

По представлению Кабинета министров и по «*всеподданнейшему докладу статс-секретаря барона М. А. Корфа Государь Император означенный Устав утвердить соизволил в Петергофе, 3-го августа 1834 года*»[16]. Параграф 27-й Устава детской больницы гласил: «*Детская больница, как Высочайше утверждённое общеполезное заведение, име-*

[14] Определение Медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи № 521 от 11 апреля 1834 г. См.: https://dgb-5.ru/o-bolnitse/istoricheskaya-spravka.

[15] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 63.

[16] Там же. С. 6.

Афанасьев К. Я. Портрет императора Николая I. 1852

Райт Т. по оригиналу Дж. Доу. Генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф. 1824

Неизвестный автор. Портрет графа Д. Г. Блудова. 1906

ет счастие пользоваться покровительством Его Императорского Величества и посему никакая значительная перемена в основании устроения оной сделана быть не может без Высочайшаго соизволения Государя Императора». Современному исследователю Устав доступен благодаря воспроизведению в юбилейном очерке доктора Л. И. Томашевского с предваряющим уведомлением: «*Для полноты изложения и в видах исторического значения первого Устава больницы, считаем не лишним привести его здесь In extenso*»[17].

Статья 7326 Свода законов Российской империи завершила юридическое оформление благотворительной инициативы «отцов-основателей» детской больницы. «*1834 Августа 3. Распубликован 24 Августа, при указах следующаго содержания: Правительствующий Сенат слушали рапорт Г. Министра Внутренних Дел, что по Высочайшему Его Императорского Величества повелению Г. Генерал-Адъютант Граф Бенкендорф препроводил к нему от 10 февраля сего года проект об учреждении в Санктпетербурге детской лечебницы для прилипчивых болезней. По сему проекту, подписанному Сенатором Графом Апраксиным, Лейб-Медиком Действительным Статским Советником Арендтом и Доктором Статским Советником Фридебургом, предполагалось учредить в Санктпетербурге на счёт добровольных приношений лечебницу для принятия детей, одержимых оспою, корью, скарлатиною, краснухою, крапивною лихорадкою, гнилою и нервною горячкою, крупом и коклюшем, с тою целию, чтобы сею Медицинско-полицейскою мерою искоренить со временем эпидемическое свойство сих болезней и предохранить столицу от пагубных следствий сих недугов. Проект сей предлагал он, Г. Министр, на рассмотрение Медицинского Совета, который предположил сделать в оном некоторые изме-*

[17] Устав Высочайше утверждённой Детской больницы // Томашевский Л. И. Указ. соч. С. 6–10.

нения на счёт того, с какими болезнями должны быть принимаемы дети в помянутую лечебницу. В следствие сего он, Г. Министр, испрашивал чрез Комитет Гг. Министров Высочайшее Его Императорского Величества соизволение. Составленный во исполнение сего и рассмотренный в Министерстве Внутренних Дел новый проект Устава для помянутой лечебницы Государь Император, по положению Комитета Гг. Министров, в следствие представления его, Г. Министра, состоявшемуся, Высочайше утвердить соизволил 3 сего августа. С Устава сего он, Г. Министр Внутренних Дел, представил Правительствующему Сенату копию, испрашивая распоряжения к приведению оного в исполнение.

Приказали: напечатав потребное количество экземпляров означенного Высочайше утверждённого Устава, для должного по оному исполнения, препроводить к Г. Министру Внутренних Дел, а для сведения и к прочим Гг. Министрам, Военным Генерал-Губернаторам, Военным Губернаторам, управляющим и Гражданскою частию, Генерал-Губернаторам и Градоначальникам, в Губернския и Областныя Правления, Правительства, Войсковыя Канцелярии и Присутственныя места при указах; а в Святейший Правительствующий Синод, во все Департаменты Правительствующего Сената и Общия оных Собрания сообщить при ведениях»[18].

В течение августа учредители больницы, во исполнение положения III части Устава об «Учреждении Комитета», в частности, параграфа 15 Устава, которым «*Комитет приглашает одну особу из числа знатнейших государственных лиц принять на себя звание почётного попечителя детской больницы*», обратились к графу А. Х. Бенкендорфу с этим предложением. Кавалер многих российских наград и иностранных орденов, государственный деятель, причастный к созданию многих научных и культурных учреждений России, генерал-адъютант двух императоров А. Х. Бенкендорф, принявший звание почётного попечителя больницы, и его ближайший помощник по делам III отделения, полковник Н. М. Панов, принявший звание сотрудника по устройству больницы, определили состав Комитета из 25 членов «*почётнейших дворян, духовенства, врачей и купечества*»[19].

1 сентября 1834 г. состоялось первое собрание Комитета. «*Из среды Комитета, состоявшего первоначально из 25 членов, были избраны: граф Апраксин — действующим попечителем, Лейб-Медик Арендт — совещательным врачом, Доктор Фридебург — Директором и Главным Доктором. Этот выбор лиц, благородному почину коих больница обязана своим существованием, удостоился утверждения Государя Императора*»[20].

Через четыре месяца после утверждения Устава и через три месяца после согласования поимённого списка членов Комитета, «*6-го Декабря 1834 года, в день тезоиме-*

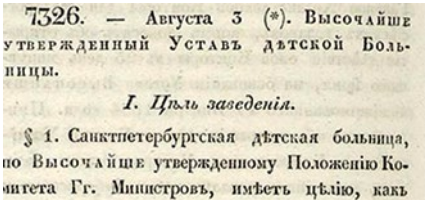
[18] Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. (далее — ПСЗ). Т. 9. СПб., 1834. С. 812.

[19] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 10.

[20] Там же. С. 12.

нитства Государя Императора Николая Павловича, детская больница была освящена и открыта»[21]. Городские газеты напечатали объявления: «*Санкт-Петербургская детская больница сим извещает жителей столицы, что она с 10 числа будущего декабря месяца будет принимать больных детей для пользования…»*[22]. Сообщалось также об открытии «палаты для приходящих больных», где можно было получить врачебный совет и рецепт на лекарство; два раза в неделю желающие приглашались на прививку против оспы. За пребывание в больнице была установлена плата — 15 рублей ассигнациями в месяц, а детей беднейшего населения Петербурга лечили бесплатно.

«Северная пчела» накануне дня освящения больницы поместила объявление с изменением даты начала приёма и госпитализации юных пациентов[23]. «*Полный штат служащих при больнице был составлен и утверждён в первых числах Апреля 1835 года»*[24].

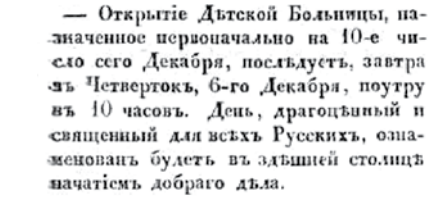


7326. — Августа 3 (*). Высочайше утвержденный Уставъ дѣтской Больницы.

I. Цѣль заведенія.

§ 1. Санктпетербургская дѣтская больница, по Высочайше утвержденному Положенію Комитета Гг. Министровъ, имѣетъ цѣлію, какъ

Полное Собрание Законов Российской Империи. 1834. Статья 7326



— Открытіе Дѣтской Больницы, назначенное первоначально на 10-е число сего Декабря, послѣдуетъ, завтра въ Четвертокъ, 6-го Декабря, поутру въ 10 часовъ. День, драгоцѣнный и священный для всѣхъ Русскихъ, ознаменованъ будетъ въ здѣшней столицѣ начатіемъ добраго дѣла.

«Северная пчела». № 277. 5 Декабря 1834

«Genius Loci» Императорской Николаевской детской больницы

Genius Loci — дух-покровитель окрестности; ангел-хранитель места; человек, ревностно оберегающий неповторимую атмосферу места.

Греко-латинская мифология

Изучение истории возникновения и существования детской больницы даёт возможность проследить, с одной стороны, особенности становления отечественной педиатрии как науки и практики здоровьесберегающих технологий, а с другой — восстановить память о людях, определивших вступление России в эпоху Нового времени.

[21] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 6.

[22] *Суворова Р. В., Микиртичан Г. Л.* Первая в России детская больница // Здоровье. 1984, № 12.

[23] Северная пчела. № 277. 5 Декабря 1834. С. 2 (1206).

[24] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 12.

«Перекрёстки судеб» первоначальной Санктпетербургской детской лечебницы связаны с именами директоров-главных докторов (после 1900 г. — главных врачей), которые стали подлинными «Genius Loci» детской больницы. В перечне столичных педиатрических стационаров XIX в. профессор А. А. Будко отводит главенствующее место больнице для лечения малолетних детей. «*В 1834 г. в Петербурге было открыто первое детское лечебное учреждение — Санкт-Петербургская, а с 1858 г.*[25] *— Николаевская детская больница. Её инициаторами были сенатор А. И. Апраксин, лейб-медик Н. Ф. Арендт и др. Больница, почётным попечителем которой до конца своей жизни был граф А. Х. Бенкендорф, существовала за счёт благотворительных средств*»[26].

На наш взгляд, необходимым и справедливым дополнением к поименованным «отцам-основателям» Санкт-Петербургской детской лечебницы должно быть имя доктора **К. И. Фридебурга** (1786–1835), принявшего личное участие в разработке Положения и Устава больницы. Он был персонально назван в императорском Указе от 3 августа 1834 г.[27], считался первым директором-главным доктором больницы с 1 мая 1834 г.[28] и «*удостоился утверждения Государя Императора*» 1 сентября 1834 г. в списке лиц, «*благородному почину коих больница обязана своим существованием*»[29]. Привлечение д-ра Фридебурга к составлению проекта первоначально предполагавшейся узкоспециализированной инфекционной клиники было не случайным явлением. Бывший прусский подданный, получивший медицинское образование в Императорском Дерптском университете, приобрёл на своей второй родине профессиональный опыт как вольнопрактикующий врач в сфере курортного лечения и санитарно-эпидемиологического надзора. В годы Отечественной войны 1812 г. К. И. Фридебург числился по военно-лечебному ведомству, был отмечен усердием в службе и упомянут в числе врачей-героев Российской императорской армии. После выхода в отставку и сдачи экзамена на звание доктора медицины и хирургии в Санкт-Петербургской И.М.Х.А.[30], К. И. Фридебург специализировался как санитарный врач, исполняя обязанности инспектора Виленской лечебной управы, а затем Физиката Петербургской врачебной управы. Петербургский Физикат был учреждён в 1786 г.

[25] Опечатка: Николаевской детская больница стала называться с 1859 г.

[26] *Будко А. А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб., 2010. С. 66.

[27] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 9. СПб., 1834. С. 812.

[28] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 63.

[29] Там же. С. 12.

[30] И.М.Х.А.-И.В.М.А.; В.У.И.М.; С-Пб.Д.Б.; И.Н.Д.Б.; Е.И.В.; И.Д.У. — соответственно сокращения наименований Императорской Медико-хирургической (с 1881 г. — Военно-медицинской) академии, Ведомства учреждений Императрицы Марии, Санкт-Петербургской детской больницы, Императорской Николаевской детской больницы, титула Его Императорского Величества в именованиях Собственной канцелярии и наградных знаках, Императорского Дерптского университета, встречающиеся в дореволюционных изданиях и справочниках. См. http://www.dorev.ru/ru-faq-abbreviations.html.

для надзора за лечебными учреждениями, деятельностью уездных врачей, контроля за медицинским и санитарным состоянием города. До 1803 г. Физикат находился в ведении Медицинской коллегии, затем Медицинского департамента МВД, в период с 1812 по 1836 гг. Физикат был также в ведении Генерал-штаб-доктора при Министерстве полиции. Физикат осуществлял надзор за работой больниц, богаделен и аптек. В штате Физиката имелось 3 сотрудника: инспектор, оператор и акушер[31]. Поскольку в обязанности Физиката входило наблюдение за чистотой в городе, свежестью съестных припасов, выполнением требований полицейских врачей, в том числе надзор за соблюдением правил охраны населения от «прилипчивых» болезней и прививками против оспы, постольку доктор Фридебург владел статистической информацией по детской заболеваемости и смертности, а также приобрёл опыт профилактики и лечения инфекционных заболеваний, связанных с болотным климатом и скученностью населения в предместьях северной столицы.

Большинство «отцов-основателей», директоров-главных докторов и первых почётных попечителей детской больницы представляло собой специфический российский субэтнос — петербургских немцев, выходцев из остзейских провинций России и прибалтийских провинций Пруссии, относивших себя к протестантской ветви западноевропейского христианства. Немцы составляли господствующий элемент в балтийских губерниях и были ярыми российскими патриотами, опорой трона, храбрыми русскими офицерами и «*дельными лекарями*»[32]. Четверо из шести дореволюционных главных врачей детской больницы получили высшее образование в Kaiserliche Universität zu Dorpat[33], двое — в Санкт-Петербургской И.М.Х.А.-И.В.М.А. Существовавший с 1801 г. Дерптский университет, с 1802 г. — Императорский Дерптский, с 1893 г. — Юрьевский — первый из шести подобных учебных заведений, созданных в начале XIX в. в Российской империи. «*В год восшествия на престол императора Павла издан указ об отпуске в госпитальные училища воспитанников духовных семинарий. В апреле 1798 года воспрещено отправлять молодых людей за границу для усовершенствования и поволено открыть в Дерпте университет с медицинским факультетом*»[34]. Окончательно университет был учреждён императором Александром I в 1801 г. «*по причине положения оного в средоточии трёх губерний: Рижской, Ревельской*

[31] *Янченко И. Л.* Взаимодействие Министерства внутренних дел Российской империи с государственными учреждениями и общественными организациями по вопросам общественного призрения: историко-правовой аспект / диссертация… кандидата юридических наук. См.: http://www.dslib.net/teoria-prava/vzaimodejstvie-ministerstva-vnutrennih-del-rossijskoj-imperii-s-gosudarstvennymi.html.

[32] *Латышев С. К.* Как Кёнигсберг стал Россией и вернулся в Россию. См.: https://spb.tsargrad.tv/articles/kak-kenigsberg-stal-rossiej-i-vernulsja-v-rossiju_106748.

[33] Hasselblatt, Arnold, Otto, Gustav. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat, Dorpat, 1889. S. 995.

[34] *Кручек-Голубов В. С., Кульбин Н. И.* Главное военно-медицинское управление: Исторический очерк // Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 8. Ч. 1. С. LXXXV.

Императорская военно-медицинская академия (1798–1809). Архитекторы А. Порто, А. Н. Воронихин. Фотография К. К. Буллы. 1914

Лекари. Литография. 1806–1811

Императорский Юрьевский университет (1804–1809). Архитектор И.-В. Краузе. Фотография. 1909

и Курляндской»[35], с 1817 г. выпускники получали чин «действительного студента» и право поступления на государственную службу. И.Д.У., наши «ливонские Афины» по словам В. А. Соллогуба, в описываемое время состоял из четырёх факультетов: медицинского,

[35] *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. I: Первый и второй периоды (1802–1865): Исторический очерк. Юрьев, 1902.

юридического, богословского и философского; официальными языками преподавания и делопроизводства служили латинский и немецкий.

Питомцы Санкт-Петербургской И.М.Х.А.-И.В.М.А. и дорпатские выученики в наступившей эпохе научной медицины стремились «*объяснить (а значит, и организовать) социальное пространство империи. Реконструкция истории врачебной профессии в России первой половины XIX в. убедила нас в том, что западное образование наделяло их в глазах правительственных чиновников привлекательным статусом носителей передового знания. И поскольку врачебный язык описывал отечественные реалии как общеевропейские или общечеловеческие (и тем самым нивелировал возведённые цивилизационным дискурсом культурные границы), то у политических элит появилось искушение пользоваться им как языком рационального государства. Кроме того, восприятие чиновниками медицинского дискурса было облегчено тем, что в отличие от многих стран Запада этос российского врача был весьма тесно увязан с государственными интересами*»[36].

К. И. Фридебург, первый директор-главный доктор детской больницы, в начале медицинской карьеры в России служил врачом частного курорта «Андреяпольские минеральные воды» Тверской губернии. Помимо своих основных врачебных обязанностей, он исследовал целительные свойства русских минеральных вод и издал обширный труд с примечательным «Предуведомлением» и посвящением «Его Императорскому Величеству Государю императору Александру Павловичу, Самодержцу Российскому». «*Особенная важность и долг каждого гражданина споспешествовать, сколько возможно, учреждению благодетельных для страждущего человечества заведений, побудили меня предать суждению публики некоторые замечания о вновь открытых Андреяпольских минеральных водах, над которыми в прошедшем годе имел я случай делать опыты и наблюдения. В описании сих вод старался я всего более сохранить везде строгую истину и ясность, не входил ни в какие систематические глубокомысленные исследования, и цель предприятия моего есть искреннейшее сердечное желание, чтоб употребление сих превосходных целительных вод, не уступающих лучшим в России и Германии минеральным водам, сделалось вскоре общим*»[37].

Доктор **Ф. И. Вейссе** (1792–1869) — непременный и верный помощник доктора Фридебурга в делах устроения детской больницы и преемник на посту директора-главного доктора, который он занимал с 1835 по 1860 гг. «*Ровно через год после открытия больницы, именно 7 декабря 1835 г., за смертию доктора Фридебурга, назначен был главным доктором и директором доктор Ф. И. Вейсе, пользовавшийся в то время обширною известностию, и вполне заслуживший доверие публики, как сведующий и искусный детский*

[36] *Вишленкова Е. А.* «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–82.

[37] Описание вновь открытых Андреяпольских минеральных вод, сочиненное К. Фридебургом. СПб., 1811.

врач»[38]. В дополнение к своей обширной практике активно занимался научной деятельностью в сфере биологии, изучая инфузорий и простейших паразитов человека; изучал статистику и стоял у истоков электрофизиологии. Многочисленные опубликованные им, в основном на немецком языке, исследования целебных свойств грязей курорта «Старая Русса», российских чернозёмов Поволжья и Сибири, диатомовых водорослей Ладожского озера и многое другое были отмечены приглашениями в члены российских и немецких

Доктор Ф. И. Вейссе (Johann Friedrich Von Weiße)

Доктор П. А. Вульфиус (Paul Magnus Von Wulffius)

Доктор Н. К. Вяжлинский (4-й слева во 2-м ряду) с персоналом Николаевской детской больницы. 1909

научных академий и обществ. Доктор Вейссе был членом (1820) и секретарём Немецкого врачебного общества (1834); почётным членом Медико-филантропического комитета (1833); членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1855); академиком Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1859); почётным членом Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (1865)[39]. В 1845 г. в знак признания благородного бессменного служения российскому здравоохранению доктору Вейссе за 25 лет службы была назначена персональная пенсия в 190 рублей в год. В 1855 г. за 35 лет службы пенсию повысили до 285 руб. 72 коп. в год[40].

[38] *Томашевский Л. И.* С.-Петербургская Николаевская детская больница. // Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. Приложение к изданию «Пятидесятилетие IV отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1828–1878». СПб., 1882. С. 499.

[39] Вейссе, Фёдор Иванович фон. Биографии известных людей. Отдельные печатные работы. См.: https://peoplelife.ru/53913_3.

[40] Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 31-е декабря 1858 года // Инспекторский отд. Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1915. С. 62. 190 руб. серебром по курсу на 19 августа 2022 г. составляет 136 762 руб., а 285 руб. 72 коп. серебром — соответственно 205 661 руб. 26 коп. См.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html.

Ученик доктора Вейссе, принявший из его рук бразды правления детской больницей и возглавлявший её с 1860 по 1871 гг., **В. Е. Гейдеке** (1807–1885) происходил из семьи Вениамина Гейдеке (1763–1811), московского протестантского пастора, педагога, писателя и издателя журналов «Russischer Merkur», «Konstantinopel und St.-Petersburg, der Orient und der Norden», «Janus oder Russische Papiere», «Monatliche Zeitung des Gräflich-Sieversschen Schul-Instituts bey der luth. Neu-Kirche In Moskwa». В рукописном отделе Российской государственной библиотеки (Москва) хранится его реферативный обзор труда митрополита Платона (Левшина) «Сокращение российской церковной истории», вышедшей в 1805 г.[41] Влияние общественно-церковной деятельности отца на формирование воззрений юного Вольдемара Гейдеке соединялось с семейным опытом устройства интерната для мальчиков при церковном училище. Во время обучения в Императорском Дерптском университете он одновременно получил философское и медицинское образование. Диссертационное исследование выпускника 1832 г. в области пренатальной медицины «Патолого-анатомические наблюдения плода при скрытой матке, крайнем дефекте и расщелине нёба»[42] относилось к разделу биологии и даже по сегодняшним представлениям является передовым.

Сменивший доктора Гейдеке корабельный врач **П. А. Вульфиус** (1830–1896) до поступления в детскую больницу проявил себя как одарённый зоолог и невролог. Исполняя обязанности младшего врача 28-го флотского экипажа Балтийского флота, затем судового врача корветов «Воевода» (1857–1859) и «Гридень» (1859–1862) на Дальнем Востоке Российской империи, он собрал коллекцию бабочек и препарированных птиц в окрестностях вновь образованных постов в заливах Посьета, Славянский и бухте Золотой Рог. Обработанные коллекции поступили в Императорскую Академию наук. После пятилетнего пребывания во главе Николаевской детской больницы он был приглашён в 1876 г. железнодорожным магнатом бароном П. Г. фон Дервизом в Москву, чтобы оснастить и возглавить построенную на его деньги детскую больницу Св. Владимира. В статье московского краеведа В. Г. Андрющенко, неоднократно воспроизводившейся в Сети, содержится ошибочная информация о том, что П. А. Вульфиус «*после завершения службы в Морском ведомстве работал в петербургской Детской больнице принца Ольденбургского под началом В. Е. Гейдеке*»[43]. Доктор Вульфиус 20 лет возглавлял Владимирскую больницу и 13 февраля 1889 г. определением Правительствующего Сената был признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в 3-ю часть Дворянской родословной книги.

[41] Сокращение Краткой церковной Российской истории митрополита Платона, извлечённое пастором Гейдеке (на нем. яз.). См.: https://search.rsl.ru/ru/record/01007531188.

[42] Heidecke, Woldemar. Pathologisch-anatomische Beobachtungen des Fötus in der latenten Gebärmutter, extremer Defekt und Gaumenspalte. См.: http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/view/subjects/610.type.html.

[43] *Андрющенко В. Г.* «Бабушка московской педиатрии». // Московский журнал: история государства Российского. 2006. № 6. С. 33–38.

Князь А. Г. Щербатов, глава Попечительского Совета Владимирской больницы, лично контролировавший финансовые расходы из пожертвований фон Дервиза, в некрологе, опубликованном ведущими московскими газетами весной 1896 г., написал о докторе Вульфиусе следующие слова: «*Павел Александрович служил только делу. Его безусловная прямота и правдивость, может быть, не всем нравились, но это мало его смущало. При большой доброте, он был требователен к своим подчинённым, но рад был всегда свидетельствовать о заслугах даже самых скромных из них. К своим сотрудникам-врачам он относился как к членам одной семьи, преданной общему делу. Больничная жизнь не иссушила его сердца, не сделала его равнодушным к тысячам детей, проходивших через больницу, к нравственным страданиям их родителей. Как часто я видал его озабоченным в случаях неуспеха лечения и радостным при благоприятном его исходе*»[44].

У двух следующих директоров-главных докторов врачебный дар соединялся с талантами историков и статистиков. **Л. И. Томашевский** (1832–1900) и **Н. К. Вяжлинский** (1860–1939?) известны медицинскому сообществу томами отчётов Николаевской детской больницы и двумя историческими очерками, ставшими главными источниками информации о драматических перипетиях её существования. Сформировавшийся к середине XIX в. тип русского врача-труэнта, талантливо сочетавшего профессию медика с блестящими достижениями в иных сферах, подарил миру терапевтов-писателей А. П. Чехова и М. А. Булгакова, хирурга-архиепископа В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луку) и хирурга-кибернетика Н. М. Амосова. Доктор Томашевский и доктор Вяжлинский, вступив на стезю педиатрии, прошли все ступени системы медико-социальной поддержки благотворительных учреждений Санкт-Петербурга и до поступления в штат детской больницы работали безвозмездно врачами в лечебных заведениях В.У.И.М.[45] Последний дореволюционный главный врач-директор детской больницы с 1900 г. Н. К. Вяжлинский, сын тамбовского священника, выпускник Тамбовской губернской мужской гимназии и И.В.М.А. (1883), ученик первого в России профессора-педиатра Н. И. Быстрова (1841–1906) и профессора-физиолога И. П. Павлова (1849–1936), доктор медицины (1886), служил с 1884 г. детским врачом в Воспитательном доме и Мариинской (Рождественской) школе, в благотворительных учреждениях: Общине Св. Георгия, Императорском женском патриотическом обществе, Убежище для слабосильных и выздоравливающих детей, Елизаветинской общине сестёр милосердия Красного креста, Приюте для грудных детей им. Д. Н. Замятина Императорского человеколюбивого общества[46].

Написанные в 1884 г. Л. И. Томашевским строки возвышенной и драматичной летописи общественного служения врачей, медицинского и помогающего персонала Николаевской

[44] *Щербатов А. Г.* Вульфиус Павел Александрович: некролог. // Московские ведомости. 1896. № 92.

[45] *Соколов Д. А.* К истории русской педиатрии // Педиатрия. 1911. № 1–2. С. III–XVI.

[46] *Грекова Т. И., Голиков Ю. П.* Н. К. Вяжлинский (1860–1939?) // Медицинский Петербург. СПб., 2001. С. 414.

детской больницы наилучшим образом передают осознание русскими медиками своей высокой миссии и достойны внимания современного читателя. «*По своей специальности — лечения детей,— эта больница требует от медиков не только знания теоретического, но и, по преимуществу, большой практики и уменья обходиться с больными маленькими существами. Служба в этой больнице представляет медику полную возможность приобрести и развить свои знания при постоянном практическом отношении к больным детям… Служба в оной подвергает врачей и чиновников с их семействами, более чем в других лечебных заведениях, весьма серьёзной опасности заражения и смерти от скарлатины, оспы, пятнистого тифа, дифтерита и т. д. Д-р Зевих умер от пятнистого тифа; д-р Брунс — от дифтерита; д-р Гершельман страдал брюшным тифом и возвратною горячкою*[47]*; д-р Лисснер — дифтеритом зева и параличем, за ним последовавшим; пишущий эти строки заражался в больнице неоднократно дифтеритом и вынес весьма трудный брюшной тиф; многие надзирательницы и фельдшерицы умерли от тифов и дифтерита; дети д-ров Реймера, Северина и друг[их] болели, а некоторые даже и умерли от скарлатины и дифтерита, занесённых, без сомнения, их отцами на дом из больничных палат*»[48].

«Санктпетербургская детская лечебница» — первая детская больница России

Мудрость отдельного человека
есть достояние его времени.
Эдмунд Гуссерль

Третий век в историко-краеведческой литературе и, как следствие этого, в популярных отечественных публикациях не утихает полемика по поводу времени, места и побудительных причин создания первого детского многопрофильного стационарного медицинского

[47] Возвратная горячка — разновидность неэпидемического клещевого возвратного тифа. Возвратные лихорадки (тифы) — группа острых инфекционных заболеваний, вызываемых спирохетами рода Borrelia; проявляются серией лихорадочных приступов с головными, мышечными и суставными болями, диареей, рвотой, кашлем, болью в глазах, увеличением селезёнки. Приступы продолжаются 5–6 суток и разделены бестемпературными интервалами примерно такой же продолжительности. См.: https://www.sechenov.ru/pressroom/publications/likhoradka-vozvratnaya1.

[48] Докладная записка по вопросу о назначении пенсий лицам, служащим в Николаевской детской больнице // *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 59–60.

учреждения Санкт-Петербурга и Российской империи. Слабая научная разработка темы приводит к постоянно тиражируемым хронологическим ошибкам, разночтениям и повторению стереотипов в освещении истории одного из системообразующих учреждений отечественного здравоохранения и его живой связи с городскими территориями северной столицы. Постоянное повторение тезиса о том, что больница является первым педиатрическим стационаром в России и вторым в Европе, превратилось в клише, ставшее метафорой вторичности российской педиатрии. Оно проникло из медицинских изданий в краеведческую эссеистику и закрепилось в медийном пространстве.

Глава петербургской военно-медицинской исторической школы профессор А. А. Будко в 2010 г. поставил точку в длившейся полтора века дискуссии об очерёдности возникновения петербургской детской больницы в ряду европейских педиатрических учреждений, отказавшись от участия в сомнительном соревновании на первенство[49]. Тем не менее, на протяжении двенадцати лет после издания фундаментального труда, отражающего рубежные даты российского здравоохранения и опирающегося на верифицированные документы, из публикации в публикацию повторяется фраза о том, что Санкт-Петербургская детская больница, «*открытая в 1834 г., вошла в историю как первое в России и второе в Европе детское лечебное учреждение*»[50]. Поскольку мы неоднократно обращаемся к богатейшему исследовательскому материалу Военно-медицинского музея и информационному массиву научных конференций под эгидой Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры), постольку нам важна скрупулёзность и фактическая достоверность публикаций их участников. Воспроизводимая в трудах академических научных институций информация, в том числе ошибочная или не подкреплённая верифицированными источниками, закрепляется в общественном сознании благодаря броским заголовкам газетных и журнальных публикаций, посвящённых юбилейным вехам детской больницы[51].

Соблазн «отметиться» круглой датой одолевает и авторов статей историко-медицинского профиля. Надуманным юбилеям Императорской Николаевской детской больницы посвящены многочисленные тексты, представляющие собой квинтэссенцию исторических абсурдов интернет-википедий, перепечатка которых без основательной проверки порождает невообразимую смесь хронологических ошибок и вольных авторских допущений. По количеству нелепостей и исторической беспомощности лидером этого «клуба графоманов» стала статья студентки факультета истории и социальных наук областного ЛГУ

[49] *Будко А. А.* Указ. соч. С. 66.

[50] *Копытов Г. А.* Российские немцы у истоков столичной педиатрии в императорской России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект, XVIII–XX вв. Вып. 11 / отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб., 2018. С. 229.

[51] *Баронина А., Тарасов Д.* Первая в России, вторая в Европе // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 13 марта.

им. А. С. Пушкина в мультидисциплинарном научном журнале[52]. Откровения автора четырёхстраничного опуса поражают воображение даже видавших виды клинических психиатров. «*В 1850 г. новым попечителем стал доктор медицины Ф. И. Вейссе. Со сменой руководства наблюдается подъём в организации больницы — было построено отдельное здание для заразных больных, новая часовня и секционная камера; снабжение больницы было оснащено невской водой, освещение дворов, на кухни проведен газ*»[53]. В трудах Медицинского университета им. И. И. Мечникова и Ассоциации педиатров по содействию повышению квалификации врачей-педиатров категорически утверждается, что «*первая клиническая больница для малолетних была основана в Санкт-Петербурге в 1844 г.*»[54].

Долгожданным событием для краеведческого и медицинского сообщества Санкт-Петербурга стало выступление на «Коломенских чтениях-2016» ведущего архивиста Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) Н. В. Колышницыной с докладом «Николаевская детская больница: рождение российской педиатрии». Изучив большой массив архивных документов, автор ввела в научный оборот солидный медико-статистический материал из отложившихся в ЦГИА СПб и Российском государственном историческом архиве письменных свидетельств. Благодаря детальному знанию раритетных дореволюционных публикаций по истории отечественного здравоохранения и послужных формуляров врачей детской больницы, автор опубликовала уникальную атрибутированную информацию о педиатрическом сообществе Санкт-Петербурга первой половины XIX в. По количеству опубликованных источников, аутентичных текстов и сводных таблиц этой статье нет равных в новейшее время. Однако, в первом абзаце текста повторяется ошибочная сентенция: «*…второй в Европе детской больницей с постоянными кроватями стала больница в Петербурге, открытая в 1834 г.*»[55].

В поисках источника искажённой информации, приведших к последующим хронологическим разночтениям, мы обратились к документальным свидетельствам в раритетных публикациях и архивным материалам по истории больницы. В *catamnesis'e* обнаружилась *Verum causa* заявленной проблематики. В биографии доктора Ф. И. Вейссе, скрупулёзно воссозданной специалистами МАЭ РАН, представлена история публикации его оригинального историко-медицинского справочника. После разгрома наполеоновского «Евросоюза» и многолетних рейдов русской армии по усмирению колонизатор-

[52] *Мальцева А. А.* Детские больницы Санкт-Петербурга во второй половине XIX века // Проблемы науки. 2019. № 12 (48). С. 54–57.

[53] Там же. С. 54–55.

[54] *Романюк Ф. П., Власова Н. Л.* Труды милосердия российского царского дома. Курс детских болезней Еленинского клинического института // Медицинский Совет. 2018. № 11. С. 14.

[55] *Колышницына Н. В.* Николаевская детская больница: рождение российской педиатрии // Коломенские чтения, 2016: сб. статей / науч. ред.: Е. И. Жерихина; сост.: Г. И. Беляева. СПб., 2017. С. 113.

ских вожделений национальных элит Западной и Центральной Европы, серебряный выпускник медицинского факультета И.Д.У. Иоганн-Фридрих Вейссе в победном 1815 г. был командирован на стажировку в европейские медицинские центры. Сын ревельского скорняка и торговца мехами, участник войны с Наполеоном, И.-Ф. Вейссе проявил лучшие качества российского подданного и сугубо индивидуальную восприимчивость к гуманитарным ценностям медицинской профессии. «*В Берлине он стажировался у выдающихся врачей К.-В. Гуфеланда*[56]*, Э. Хорна*[57] *и К.-Х. Вольфарта*[58]*; в Гёттингене он работал у И.-Ф. Блуменбаха*[59]*; в Йене — у Л. Окена*[60]*; в Вене — в детской клинике профессора Л.-А. Голиса*[61]*… Побывал он и в клиниках Лондона и Парижа… В 1820 году Иоганн Вейссе*

[56] Кристоф Вильгельм Гуфеланд (Christoph Wilhelm Hufeland; 1762–1836), сын придворного веймарского врача, выпускник медицинского факультета Гёттингенского университета (1783), доктор медицины, заведующий кафедрой патологоанатомии Берлинского университета, основатель Берлинского медицинского института, лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма III. См.: Большая советская энциклопедия [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. (Далее — БСЭ). М., 1969.

[57] Эрнст Антон Людвиг Хорн (1774–1848), сын герцогского чиновника, выпускник Гёттингенского университета, доктор медицины (1797), ординарный профессор медицинской клиники (1819), клинический преподаватель, писатель и второй врач Берлинского королевского госпиталя «Шарите». См.: Общая немецкая биография. Бандорф. // https://de.wikisource.org/wiki/ADB:Horn,_Ernst.

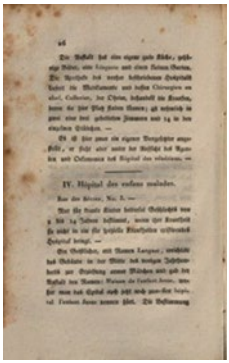
[58] Карл Кристиан Вольфарт (1778–1832), немецкий врач-натуралист, выпуксник медицинского факультета Марбургского университета, доктор медицины (1797); врач общей практики, адъюнкт-профессор (1800), профессор физики и медицины (1803); уполномоченный по борьбе с жёлтой лихорадкой на австрийской границе (1805–1807); издатель медико-хирургическиго еженедельника «Askläpieion» (1811–1814); профессор медицины Берлинского университета (1817). См.: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Karl_Christian_Wolfart.

[59] Иоганн Фридрих Блуменбах (Johann Friedrich Blumenbach; 1752–1840), выпукник Йенского университета, немецкий анатом-краниолог, антрополог и естествоиспытатель; доктор медицины, профессор (1776). Член Гёттингенской академии наук (1784), иностранный член Лондонского королевского общества (1793), Парижской академии наук (1830; корреспондент с 1805), иностранный почётный член Петербургской академии наук (1826). См.: БСЭ. М., 1970.

[60] Лоренц Окен (Lorenz Oken [Okenfuss]; 1779–1851), немецко-швейцарский ботаник, миколог, зоолог, естествоиспытатель, физиолог. Выпускник Фрайбургского и Вюрцбургского университов, доктор медицины (1804) и философии, профессор, член немецкого общества естествоиспытателей «Леопольдина». См.: БСЭ. М., 1969.

[61] Леопольд Антон Гёлис (1764–1827), австрийский педиатр. Выпускник медицинского факультета Венского университета, доктор медицины (1793); врач общей практики, лейб-педиатр эрцгерцогини Марии-Луизы Австрийской (1821). Управляющий детским больничным институтом в Воллцайле, где бесплатно лечили детей бедных родителей (1794–1826). См.: Гёлис, Леопольд Антон. https://de.wikipedia.org/wiki/Leopold_Anton_Gölis.

Paris und London



Weisse J.-F. Paris und London für den Artzt… St. Peterburg u. Halle, 1820

Weisse J.-F. Paris und London für den Artzt… 1820. Hôpital des enfants malades

Пушкарёв И. И. Описание Санктпетербургской детской больницы. 1838.

решил искать счастья в Санкт-Петербурге. С этого момента вся последующая его трудовая биография будет связана со столицей Империи, где он стал именоваться Фёдором Ивановичем. Сначала он занялся частной практикой, но вскоре, поступив на государственную службу, был определён тюремным врачом и одновременно врачом 1-й, 2-й и 3-й городских гимназий»[62].

Доктора Вейссе недаром называют одним из основателей русской школы педиатрии. Среди изданий, предварявших время возникновения Санкт-Петербургской детской больницы, почётное место занимает его книга, изданная в России и Пруссии с примечательным названием: «*Париж и Лондон для врача: особенно в отношении учреждений общественного здравоохранения и социального обеспечения*»[63]. Описание своего пятилетнего странствия по известным клиникам Европы он сохранил для потомков в виде путевого дневника, показавшего яркий пример профессиональных контактов российского общества, изначально его военной и академической части, с организацией европейского здравоохранения. О восприимчивости доктора Вейссе к гуманитарным ценностям медицинской профессии говорит его оценка Парижской детской больницы как образцового государственного госпиталя, возникшего в наполеоновское время и содержащегося на средства от колониального грабежа ближневосточного и египетского населения, данная в IV-й главе — «Hôpital des Enfants Malades», написанной между 1815–1818 гг. и опубликованной в 1820 г. в первом томе его научного отчёта. «***Больница для больных детей.*** *Севр-*

[62] *Копытов Г. А.* Указ. соч. С. 228–244.

[63] *Weisse J.-F.* Paris und London für den Artzt, besonders in Rücksicht der öffentlichen Kranken — und Verpflegungsfnstalten geschildert / 1 stes Bdch. (Schilderung von Paris). Vit 1 Rpf. St. Peterburg u. Halle, 1820.

ская улица, № 3[64]*. — Предназначена только для больных детей обоего пола в возрасте от 2 до 14 лет, если их болезнь не требует помещения в больницу, специализирующуюся на особых заболеваниях. — Священник по имени Ланге возвёл здание в середине прошлого века для обучения девочек из бедных семей и дал заведению название „Дом младенца Иисуса" (Maison de l'enfant Jésus), от которого больницу иногда до сих пор называют „Больница младенца Иисуса" (Hôpital l'enfant Jésus). Во время революции здание всё ещё предназначалось для приюта для девочек и только в 1802 году оно было оборудовано для сегодняшних целей*[65]*. Больница расположена в очень удобном месте, располагает прекрасными местами для прогулок, садами и дворами.*

Больничные палаты, хотя и очень длинные, но многие из них слишком низкие, нередко грязные и прокопчённые от неисправных печей. Кровати открытой планировки без занавесок; кровати, предназначенные для совсем маленьких детей, имеют низкие перила по краям, чтобы предотвратить падения малышей. Пуховые перины в этом лазарете вообще запрещены; дети лежат на матрацах и соломенных тюфяках под шерстяными одеялами. Зимой они одеты в пижамы из сукна, летом — изо льна.

Помимо обычных бань, в которых слишком мало места, здесь уже несколько лет внедряют серные паровые ванны. Благополучное и быстрое излечение ими чесотки без использования других лекарств (часто только восемью или десятью такими ваннами) значительно расширило их применение.

***Служебный персонал**. Сотрудниками этой больницы являются: 1 надзиратель, 1 эконом (казначей), 2 врача, 1 главный хирург, 5 студентов медицины и хирургии, 1 аптекарь (фармацевт) с двумя учениками, священник, учитель*[66]*, инспектор полиции, 7 санитаров, 34 сиделки и 28 человек обслуживающего персонала: в канцелярии, на кухне, в швейной мастерской и т. д. К ним также относятся три ремесленника. Сёстры Сен-Тома-де-Вильнёв*[67] *взяли на себя особый уход за больными с 1814 года, и мне*

[64] «Больница на 250 коек со своим садом занимала пять гектаров между улицами Севр и Вожирар. Дети распределялись в соответствии с их заболеваниями и полом по большим комнатам от 30 до 40 коек. Выздоравливающие и дети, заболевшие оспой, госпитализировались в отдельные корпуса» // Детская больница Неккера. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41f18331-62a703f6-23142d46-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Necker_Children%27s_Hospital.

[65] Постановление Центрального административного совета больниц Парижа о создании больницы «для детей обоих полов в возрасте до пятнадцати лет» было объявлено в 1801 г., приём пациентов начался в июне 1802 г. // *Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* Указ. соч. С. 41–45.

[66] Он даёт уроки чтения, письма, арифметики и религии детям, хронические болезни которых надолго удерживают их в больнице, хотя они могут находиться вне постели. — Прекрасное заведение. *Примеч. И.-Ф. Вейссе.*

[67] Монахини конгрегации Святого Фомы Вильнёвского из парижского пригорода Нёйи-сюр-Сен, лежащего на западной границе Парижа между р. Сеной и Булонским лесом. Конгрегация была основана

доставляет истинное удовольствие видеть, как эти прекрасные женщины обнимают и целуют малышей.

Заполняемость и смертность. Учреждение рассчитано на 400 пациентов и более. Около 200 коек заполнены острыми заболеваниями, из которых 3/5 приходится на отделение для мальчиков и 2/5 на отделение для девочек. Хирургическое отделение имеет 70 коек, остальные заняты хроническими больными, пациентами с чесоткой, золотухой, паршой и др. Дети с паршой и золотухой, если у них нет других тяжёлых заболеваний, также могут получать лекарства амбулаторно.

С 1804 по 1814 гг. в эту больницу поступило: 12139 мальчиков, 8528 девушек. Всего: 20667 детей. Из них 4688 человек умерли, причём девочек намного больше, чем мальчиков. Таким образом, смертность составила 1 из 4,37 без различия пола. Хотя эпидемия, свирепствовавшая в 1807 г., убила почти 1/3 детей, смертность в целом очень высока, несмотря на хорошее лечение и выгодное положение больницы. Официальный французский Отчёт[68] ищет причину в чрезмерной нежности матерей, которые могут оторваться от своих детей только тогда, когда их болезни предельно тяжелы. Поэтому большая часть смертей приходится на первые несколько дней после госпитализации.

***…Медицинское лечение**. В больнице служат два доктора, которых зовут Жадело[69] и Нистен[70], первый лечит девочек, а второй — мальчиков. Однако они меняются ежеквартально своими постами на отделениях. Главного хирурга зовут Бавос.*

***Жадело**. Мужчина лет сорока, дружелюбный и любезный с иностранными врачами и, как человек чуткий, безусловно, хороший педиатр. Во время обходов пациентов, которые он совершает каждый день около 9 или 10 часов, можно многое увидеть и многому научить-*

в честь Св. Фомы из Вильянуэвы (Villanova; исп. Tomás de Villanueva; ок. 1488–1555), испанского монаха-августинца, проповедника, аскета, писателя, прославившегося заботой о бедных. См.: https://www.midwestaugustinians.org/st-thomas-of-villanova.

[68] Rapport ait au conseil général des hospices, par un de ses membres, sur l'état des Hôpitaux, des hospices et des secours á domicile á Paris, depuis lerer Janv. 1804 jusqu'au rer. Janv. 1814. — 1816, in 4fo, 391 Seiten stark; Ein solcher Rapport wird alle zehn Jahr durch ein Mitglied der Hospital Administration abgesagt werden. Jch habe denselben häufig zu Rathe gezogen, wie man finden wird // *Weisse J.-F.* Ibid. S. XLIX–L.

[69] Жадело, Жан-Франсуа-Николя (1771–1855) — врач Парижской больницы для больных детей и приюта для сирот в 1815–1820 гг.; член Центрального комитета по вакцинам (1815), медицинской секции Королевской медицинской академии (1821). Кавалер ордена Почётного легиона (1819) в знак признания его участия в Комитете по вакцинам. См.: Jadelot, Jean François Nicolas, 1771–1855. Dictionnaire de biographie française, 1994. Vol. 18. Col. 362. № 1.

[70] Нистен умер в предыдущем году, и на данный момент его место занимает г-н Бавос. *Примеч. И.-Ф. Вейссе.*

ся. Он часто применяет метод простукивания Ауэнбрюггера[71] *и иногда слишком сильно хлопает малышей по груди и спине. Словно готовые к этому, многие из маленьких существ высовывают языки и высвобождают ручки из-под одеял, как только Жадело подходил к их постелям, и у нас часто были причины подивиться разумным ответам, которые очень маленькие дети часто давали доктору. Является ли это доказательством более быстрого интеллектуального развития французов? Или, возможно, некоторые детские заболевания вообще способствуют этому? В пользу последнего говорит не по возрасту умный облик многих французских детей…*

В палате больных оспой было только шесть больных, тогда как в отделении для мальчиков их могла быть дюжина; некоторые из пациентов были ужасно обезображены. В больнице очень много больных золотухой и грудными заболеваниями, и говорят, что невероятное количество мальчиков страдает от последствий мастурбации. Я посмотрел здесь несколько случаев „пляски Святого Витта" (Chorea St. Viti). В самой больнице Жадело читает лекции о детских болезнях, которые, как говорят, очень интересны»[72].

Уже в этом медико-историографическом труде доктор Вейссе обратил внимание на высокую смертность в детской лечебнице. Одной из причин этих фактов он считал позднюю госпитализацию и запущенность болезни, а в качестве доказательства привёл статистические данные о смертности детей в первые часы и дни после поступления в стационар. В своём дневнике пытливый врач воспроизвёл таблицу детской смертности, найденную им в сводном медицинском отчёте Больничного совета за 1804–1814 гг.[73], под заглавием G e s t ó r b e n[74]. Медицинские и естественнонаучные публикации доктора Вейссе в юбилейных отчётах, в правительственных бюллетенях, в русских и немецких газетах 1818–1844 гг. стали для его преемников на посту директора–главного доктора Санктпетербургской детской лечебницы, как впрочем, для всего медицинского сообщества России, непререкаемым авторитетом в сфере педиатрии. Однако, ни в одной из публикаций доктор Вейссе не обращается к теме хронологической очерёдности возникновения той или иной институции.

[71] Перкуссия как метод физической диагностики была разработана венским врачом Леопольдом фон Ауэнбруггером (1722–1809), описавшим её в 1761 г. Всеобщее распространение метод получил лишь после того, как Ж. Корвизар в 1808 г. перевел труд Ауэнбруггера на французский язык. В России перкуссию стали применять в конце XVIII в. См.: БСЭ. М., 1969–1978.

[72] Hôpital des enfants malades. Rue des Sevres, No. 3 // *Weisse J. F.* Ibid. S. 26–33 (в переводе Л. П. Евдокимовой).

[73] Rapport ait au conseil… // Ibid. S. XLIX-L.

[74] Gestórben — «усопшие» — на диалекте восточного нижненемецкого языка (Niederpreußisch) // Ibid. S. 30.

И. И. Пушкарёв, автор ранних публикаций о детской больнице, её первый историограф, чуткий к слову и литературно одарённый публицист-краевед[75], употребляет в начале очерка 1844 г. форму множественного числа при упоминании заграничных детских лечебниц, предварявших отечественную. «*Мысль основать в Петербурге отдельную Детскую больницу, по примеру существующих за границею подобных учреждений, принадлежит первоначально лейб-медику Н. Ф. Арендту. Она нашла себе ревностнаго покровителя и ходатая в лице графа А. Х. Бенкендорфа, голос которого возбудил во всех классах общества пламенное соревнование к осуществлению столь полезного дела*»[76].

Наконец, в 1857 г. в разделе «Внутренних известий» газеты «Северная пчела» был напечатан краткий статистический отчёт «*Попечителя Детской больницы, Генерала от Кавалерии Дубельта*» и «*Директора Детской больницы, Действительного Статского Советника Ф. Вейссе*», содержащий сведения о движении больных, заполняемости койко-мест, сословном составе пациентов, поступлении и расходовании денежных пожертвований, дарении расходных материалов с выражением благодарности всем благотворителям[77]. Ни в газетных и журнальных очерках, ни в «Описании Детской больницы» её ревностного летописца И. И. Пушкарёва, ни в ранних отчётах «*сведующего и искусного детского врача*» Ф. И. Вейссе и чиновного попечителя Л. В. Дубельта нет упоминания о приоритетности парижской больницы в ряду европейских лечебниц и не обнаружено никаких признаков борьбы за «хронологическое первородство» петербургской детской больницы, тем более по сравнению с европейскими педиатрическими институциями.

Впервые тема хронологической преемственности появилась в 1859 г. В отложившемся в ЦГИА СПб «Деле о праздновании 25-летнего юбилея больницы» представлены черновики и окончательный текст краткого исторического очерка, подписанного действующим попечителем детской больницы, генералом от кавалерии Л. В. Дубельтом и директором-главным доктором Ф. И. Вейссе. Очерк «К 25-ти летнему торжеству существования С.Петербургской Детской больницы» был подготовлен для представления императору Александру II в составе отчёта о деятельности больницы за первую четверть века её существования и был доложен ему в Гатчине 31 октября 1859 г. статс-секретарём А. Л. Гофманом.

В очерке мы находим источник исследуемой мифологемы. «*В настоящем столетии, которое по справедливости может быть названо веком благотворительности, впервые*

[75] Иван Ильич Пушкарёв (1803–1848), дворянин, писатель-историк, краевед и статистик, коллежский асессор. См.: Большая русская биографическая энциклопедия. 2008 // https://interpretive.ru/termin/pushkarev-ivan-ilich.html.

[76] *Пушкарёв И. И.* Описание Детской больницы в С.-Петербурге // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. СПб., 1844. С. 156.

[77] Годовой Отчёт С. Петербургской Детской больницы, с 1-го января 1856 по 1-го января 1857 года. // Северная пчела. 1857. 11 мая.

Тюрин И. А. Портрет императора Александра II в форме полковника Лейб-гвардии Преображенского полка. 1860-е гг.

35211.—Декабря 7. Именной, объявленный Сенату Министромъ Юстиціи.—*О присвоеніи С.-Петербургской дѣтской больницѣ названія «Николаевской».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ ходатайства Попечителя С.-Петербургской дѣтской больницы, Генерала отъ Кавалеріи Дубельта, Высочайше изволилъ повелѣть: больницѣ сей, по случаю имѣющаго 6 Декабря 1859 года совершиться двадцатипятилѣтія со времени ея учрежденія (*3 Августа 1834 года* {7326}), присвоить названіе: «Николаевской», въ память Августѣйшаго ея Основателя, въ Бозѣ почивающаго Государя Николая Павловича.

Полное Собрание Законов Российской Империи. 1859. Статья 35211

обращено внимание на учреждение, подобно больницам для взрослых, особых приютов для нуждающихся в помощи больных детей. Первая настоящая Детская больница, существующая в цветущем состоянии и до сих пор, была основана в Париже в 1802 году на государственный счёт. Впоследствии, во многих больших городах возникли так называемые детские лечебные заведения, в которых маленькие больные не могли оставаться, но были представляемы ежедневно, или от времени до времени, для осмотра врачей. ***Нашей столице принадлежит*** *(за 25 пред сим лет)* ***первенство учреждения настоящей Детской больницы после Парижской****, в которой дети находят постоянное убежище и пользование в продолжение болезни. Подобные учреждения, но гораздо позже, были устроены в Москве, Вене, Дрездене, Праге, Франкфурте-на-Майне, Берлине, Мюнхене, Лондоне и Стокгольме»*[78] (выделено авторами).

В опубликованных в 1872–1884 гг. исторических очерках пятого директора–главного доктора Николаевской детской больницы Л. И. Томашевского построенная доктором Вейсе хронологическая последовательность событий 1-й трети XIX в. приобрела достоверность факта. В подстрочном примечании к описанию больницы 1882 г. приводится «заявление г. Томашевского»: «*Очерк этот составлен директором больницы Л. Томашевским; напечатан в Петербурге 1872 г., и составляет извлечение из его подробного и пространного сочинения, которое вскоре должно появиться в печати*»[79]. В преамбуле очерка впервые появилось упоминание об очерёдности возникновения русского детского стационара.

[78] ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–5об.

[79] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 496.

«*Первое осуществление мысли о необходимости устройства среди общественных благотворительных учреждений, специально детских больниц принадлежит Франции, где ещё в 1802 году положено было устроить в Париже детскую больницу на счёт государства. Но затем, хотя вскоре возникли в Лондоне и Вене детские поликлиники для приносимых больных детей, первою после парижской настоящею детскою больницею (с постоянными кроватями) была Николаевская детская больница. Таким образом, осуществление человеколюбивой мысли, не находившее себе до XIX столетия места среди филантропических учреждений Европы, после Парижа принадлежит Петербургу*»[80].

Через два года в предисловии к историческому очерку 1884 г., составленному для юбилейного издания в честь 50-летия больницы, д-р Томашевский развивает этот тезис. «*Мысль о необходимости устройства, среди общественных благотворительных учреждений, с п е ц и а л ь н о д е т с к и х больниц впервые была осуществлена во Франции, где ещё в 1802 году было положено устроить в Париже детскую больницу на счёт государства. Хотя затем и возникли в Лондоне, Вене, Дрездене и других столицах а м б у л а т о р и и для пользования приносимых больных детей, но больницы детской, с постоянными кроватями, нигде ещё не было, и первою, после парижской, детскою больницею, в истинном значении этого слова, была С.-Петербургская детская больница, основанная спустя 32 года после парижской, т. е. в 1834 году. Таким образом, осуществление человеколюбивой мысли, не находившее себе в XIX столетии места среди филантропических учреждений Европы, после Парижа принадлежит Петербургу*»[81].

В архиве сохранилась рукопись исторического очерка об учреждении и деятельности больницы, подготовленная доктором Томашевским к предстоящему 50-летнему юбилею учреждения в 1898 г.[82] На 58 листах, выведенных каллиграфическим почерком, содержится параллельный текст на русском и французском языках. Очерк не был опубликован к юбилейной дате, но, тем не менее, позволяет воссоздать механизм возникновения исторического мифа, прежде всего, путём авторских правок, добавляющих новые данные и усиливающих тезис о неизменном отставании больницы от европейской педиатрической науки и практики. Предисловие рукописи начинается знакомой нам формулой с расширением географических реалий и современной концу XIX в. специальной терминологии. «*Первая детская больница России, С.Петербургская детская больница, носящая в настоящее время название „С.-Петербургской Николаевской детской больницы", была основана в августе месяце 1834 года, и открыта в том же году 6 декабря. — 6 декабря текущего года она достигнет 64-го года своего существования. — Франции принадлежит почин в устройстве специальных детских больниц: ей обязано человечество устройством*

[80] *Томашевский Л. И.* Указ. соч. С. 496–497.

[81] Там же. С. 3.

[82] ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–58.

первой детской больницы в мире, в 1802 году. — Хотя впоследствии, в Лондоне, Вене, Гамбурге, Дрездене образовались поликлиники, амбулатории для приходящих больных детей, но настоящею детскою больницею (с постоянными кроватями), первою после Парижской, была Петербургская детская больница. Таким образом, филантропическая идея устройства специальных детских больниц, которая не могла быть применена к делу до XIX-го столетия, была осуществлена впервые в Париже в 1802 году, а 32 года спустя в Петербурге»[83].

Эстафету построения хронологических конструкций докторов Вейссе и Томашевского и, как следствие, обоснования участия петербургской детской больницы в борьбе за лидерство в отечественной и мировой педиатрии, продолжил директор и главный врач больницы с 1900 г. Н. К. Вяжлинский. В кратком историческом очерке к 75-летию заведения шестой дореволюционный директор завершает формирование историографической концепции предшественников филигранно сформулированным абзацем. «*Учреждение это возникло в первое десятилетие царствования императора Николая I и Николаевской больницей именуется с 1859 г. в его память. По времени основания это была первая не только в Петербурге, но и в России специальная детская больница с постоянными кроватями; да и во всей Европе до неё основана лишь одна специальная детская больница — это парижская Hôpital des Enfants Malades*»[84].

В условиях постоянного дефицита средств на содержание благотворительной больницы главные врачи-директора были вынуждены проявлять чудеса изворотливости в привлечении денег (ныне именуемой фандрайзингом) на обеспечение некоммерческого проекта. Следствием этого стало полемически заострённое напоминание отечественной элите о социальных достижениях наполеоновской Франции и имперских столиц Европы. Более того, скрупулёзное описание доктором Вейссе устройства парижских больниц, выполненное им с немецкой педантичностью за 15 лет до создания петербургской детской больницы, подвигло его и его коллег к созданию мнения о превосходстве общественно-благотворительного устройства петербургской детской больницы. Историографические построения, вызванные актуальными потребностями времени, легли в основу мифа о порядке первородства. Как и положено мифам, существующим по законам иррациональности, он закрепился и регулярно воспроизводится в медицинской и краеведческой литературе, но уже как рудимент местничества в истории здравоохранения.

Утверждение о том, что Парижская детская больница была первым профильным педиатрическим заведением Европы, давно подвергалось сомнению как в историческом, так и в медицинском сообществе. Петербургский биограф доктора Вейссе регулярно приводит доказательства этому. «*Принято считать, что самая первая дет-*

[83] ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

[84] *Вяжлинский Н. К.* Указ. соч. С. 3.

ская клиника была открыта в Париже в 1802 году, а Императорская Николаевская детская больница стала первой в России и второй в Европе. Это не так: российской лечебнице следует присвоить номер три, поскольку уже в 1794 году детская больница существовала в Вене»[85]. Иоганн Вейссе «*сразу после окончания университета „с учёной целью" и за казённый счет он был направлен в Европу, где до 1819 г. стажировался в ведущих университетских клиниках Германии, Австрии, Франции и Великобритании. Ему выпала удача поработать в* ***первой*** *в Европе детской клинике венского профессора Голиса*»[86].

Процесс обогащения историко-медицинского тезауруса неумолимо наращивает темп. В опубликованном в 2015 г. специализированном медицинском издании по истории онкологии приводятся сведения о детской лечебнице в Англии. «***Первая*** *в истории детская больница была создана в 1769 г. шотландским врачом G. Armstrong'ом (?–1784) в Лондоне. О личности её основателя известно крайне мало. George Armstrong начинал медицинскую карьеру в качестве фармацевта в провинции Гемпстед, затем получил образование врача и переехал в Лондон, где в 1769 г. основал первую больницу и диспансер для детей бедных родителей. Вызывает удивление, что за 12 лет её существования в ней были приняты 35 000 детей — почти 3000 ежегодно. При этом дети принимались в больницу без направлений и рекомендательных писем. Больница и диспансер просуществовали до декабря 1781 г., когда их пришлось закрыть из-за недостатка средств, поскольку правительство так и не выделило субсидию, несмотря на настойчивые попытки Armstrong'а этого добиться. Сохранились и научные труды Armstrong'а. Первая известная работа датирована 1767 г. и называлась „Опыт о наиболее опасных детских болезнях с приложением правил вскармливания детей". В 1777 г. вышел „Отчёт о болезнях, которыми чаще всего болеют дети", возможно, первый в истории труд, посвящённый эпидемиологии детских болезней, а к переизданию этой книги был приложен „Генеральный отчёт диспансера для детей бедных". Таким образом, Armstrong, наряду с английским педиатром W. Kadogan'ом (1711–1797), можно считать одним из основоположников профилактической педиатрии»*[87].

Крайнее любопытная информация, несмотря на разночтения в датировках и терминологических обозначениях. Англоязычная википедия в последующие, после публикации отечественных онкологов, годы поместила сведения о создателе первой британской детской лечебнице. «*Джордж Армстронг (ок. 1720–1789), шотландский врач, признанным Оксфордским национальным биографическим словарём одним из первых педиатров. 8-й ребёнок в семье священника церкви Кастлтон в Лиддел-Вэлли, Роксбург. После прохож-*

[85] Первый русский педиатр / Научная Россия. // https://scientificrussia.ru/articles/pervyj-russkij-pediatr.

[86] *Копытов Г. А.* Указ. соч. С. 232.

[87] История детской онкологии / под ред. М. Ю. Рыкова, В. Г. Полякова. СПб., 2015. С. 13–14.

дения фармацевтической практики в Хэмпстеде получил квалификацию врача и переехал в Лондон. В 1767 г. опубликовал „Эссе о болезнях, наиболее смертельных для младенцев"; расширенное издание 1808 г. под редакцией доктора медицины А.-П. Бьюкена. В 1769 г. основал заведение под названием „Диспансер для малолетних бедных", поддерживаемый пожертвованиями для помощи бедным детям. Армстронг заявлял, что дети принимались „без каких-либо разрешительных писем, при условии, что родители действительно бедны, это опасно и требует скорейшей помощи". Диспансер не встретил финансовой поддержки и в декабре 1781 г. был закрыт. Дж. Армстронг умер „в безвестности"»[88].

Массовый всплеск амбициозных заявлений современных историков медицины, краеведов-любителей и исследователей благотворительности о приоритетности той или иной социозащитной институции и некритическое воспроизводство мифов о первородстве того или иного учреждения здравоохранения постоянно наблюдается в постперестроечной России. Практически во всех учредительных документах и публичных заявлениях бесчисленных НКО, НГО, благотворительных фондов о миссии общественного объединения, движения, ассоциации, фонда или конно-балетного творческого коллектива присутствуют ритуальные фразы «впервые в науке и практике», «первые в России», «единственные в истории» и т. п.[89] Подобные узколичные поползновения на уникальность и первичность, как заразные «прилипчивые болезни», проникают в обыденное сознание современников и до настоящего времени подогреваются плохо информированными деятелями СМИ.

В следующем номере мы поместим вторую часть исследования, посвященного истории Николаевской детской больницы.

[88] Джордж Армстронг (ок. 1720–1789). // https://www.hmong.press/wiki/George_Armstrong_(physician).

[89] *Пресняков Р. А., Колесин А. Н.* К вопросу о преемственности и правопреемства в медицине // XVII Мнухинские чтения. Научная конференция с международным участием «Организация детской психиатрической помощи: история и современные тенденции развития», 7 ноября 2019 г. Сб. статей: под общ. ред. Ю. А. Фесенко, Д. Ю. Шигашова. СПб., 2019. С. 115–122.

А. Ю. Алексеев

ПРОЕЗДОМ ЧЕРЕЗ «КРАСНЫХ КОМИССАРОВ»

Из истории процесса наименования станции метро «Улица Дыбенко»

Станция четвёртой (Правобережной) линии тогда Ленинградского, ныне Петербургского метрополитена «*Улица Дыбенко*» открыта 1 октября 1987 г. (на момент выхода данной статьи она — конечная на этой линии). Её название для нашего города по-своему уникально, поскольку статусная часть «улица» нигде более в наименованиях станций петербургской подземки до сих пор не использовалась — пока в наличии только девять «проспектов» и пять «площадей». Более того, как известно, всё шло к тому, что её могли открыть с названием в нестандартной форме — «*Красных Комиссаров*», которое заменили нынешним лишь за считанные недели до ввода в эксплуатацию нового метровокзала. Формально это было сделано решением Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (Ленгорисполкома) — высшего советского органа управления городом[1]. О некоторых деталях процесса наименования / переименования станции и пойдёт речь.

Идеи прокладки линии метрополитена на юго-востоке Ленинграда фигурируют на разных перспективных схемах развития «подземки» уже в 1950–1960-е гг. Однако графически на этих планах показан не отдельный радиус, а участок (полу)кольцевой линии, соединяющей окраинные районы Ленинграда[2]. Впрочем, со временем появляются и варианты, предусматривающие особую линию. Так, в одной из книг второй половины 1960-х гг. при описании перспектив появления новых участков сказано, что «*возможно строительство линии по Правому берегу Невы*». На приведённой здесь же схеме трасса этой перспективной линии прочерчена от станции «*Площадь Александра Невского*» (открытой 3 ноября 1967 г.) на юго-восток[3].

Вплотную вопрос о проведении метро в кварталы Малой Охты и Весёлого Посёлка, где к тому времени развернулось огромное массовое жилищное строительство, стал на по-

[1] Разумеется, реальное управление городом в советский период осуществлялось партийными органами. Впрочем, принижать роль Ленгорисполкома по решению как сиюминутных текущих вопросов, так и стратегических задач развития Ленинграда тоже не стоит.

[2] См.: План развития Ленинградского метрополитена им. В. И. Ленина к 1980 г., конец 1950-х (https://podzemka.spb.ru/history/66/); схема Ленинградского метрополитена к Генеральному плану развития Ленинграда, 1967 (https://podzemka.spb.ru/history/59).

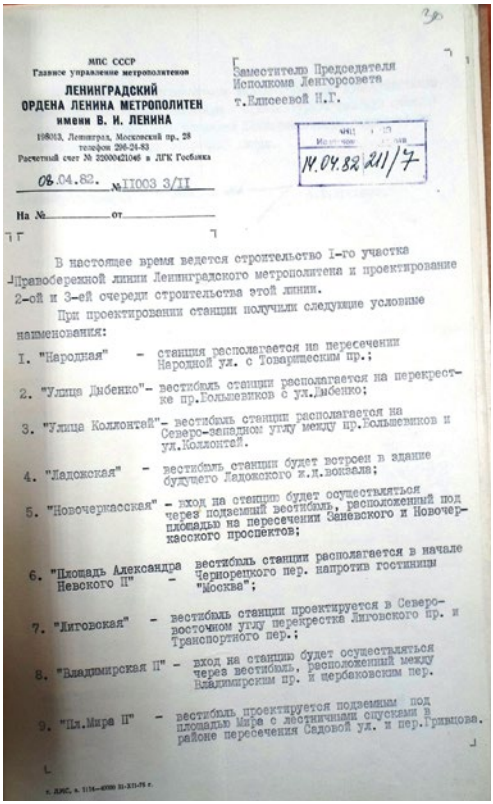
[3] *Паршин Л. А.* Метрополитен имени В. И. Ленина. Л., 1968. С. 72–73.

вестку дня к концу 1970-х гг. Перегруженный наземный пассажирский транспорт ситуацию уже не спасал[4].

Одобренные Ленгорисполкомом летом 1980 г. основные положения Генеральной схемы развития Ленинградского метрополитена предусматривали ввод участка «Площадь Александра Невского» — «Улица Коллонтай» (нынешняя станция «Проспект Большевиков») в 1985 г. Следующий участок, «Улица Коллонтай» — «Народная улица», к которому и относится интересующая нас станция, должен был заработать, вместе с новым метродепо, в 1988 г[5].

Помимо всего прочего, проектирование, а затем и строительство четвёртой (Правобережной) линии Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени В. И. Ленина требовало решения вопроса с названиями будущих станций.

В связи с этим 8 апреля 1982 г. начальник Ленметрополитена Алексей Денисов направил письмо в адрес заместителя председателя Ленгорисполкома и, по должности, тогдашней главы Городской комиссии по наимено-



МПС СССР
Главное управление метрополитенов
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА МЕТРОПОЛИТЕН
имени В. И. ЛЕНИНА
198013, Ленинград, Московский пр. 28
телефон 206-24-83
Расчетный счет № 220004210б8 в ЛГК Госбанка

Заместителю Председателя
Исполкома Ленгорсовета
т.Елисеевой Н.Г.

08.04.82. №II003 3/II

На №_____от_____

14.04.82 211/7

В настоящее время ведется строительство I-го участка Правобережной линии Ленинградского метрополитена и проектирование 2-ой и 3-ей очереди строительства этой линии.

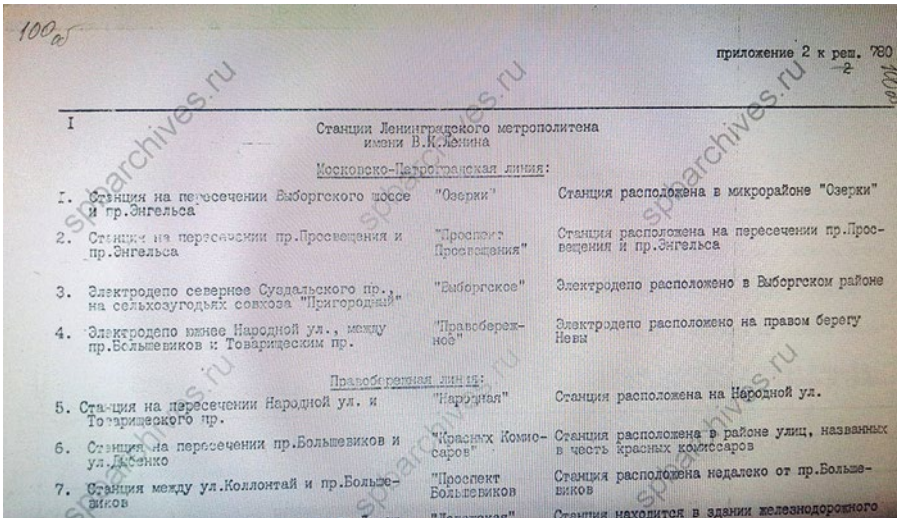
При проектировании станции получили следующие условные наименования:

1. "Народная" – станция располагается на пересечении Народной ул. с Товарищеским пр.;
2. "Улица Дыбенко" – вестибюль станции располагается на перекрестке пр.Большевиков с ул.Дыбенко;
3. "Улица Коллонтай" – вестибюль станции располагается на Северо-западном углу между пр.Большевиков и ул.Коллонтай.
4. "Ладожская" – вестибюль станции будет встроен в здание будущего Ладожского ж.д.вокзала;
5. "Новочеркасская" – вход на станцию будет осуществляться через подземный вестибюль, расположенный под площадью на пересечении Заневского и Новочеркасского проспектов;
6. "Площадь Александра Невского II" – вестибюль станции располагается в начале Чернореченского пер. напротив гостиницы "Москва";
7. "Литовская" – вестибюль станции проектируется в Северо-восточном углу перекрестка Литовского пр. и Транспортного пер.;
8. "Владимирская II" – вход на станцию будет осуществляться через вестибюль, расположенный между Владимирским пр. и Чернореченским пер.
9. "Пл.Мира II" – вестибюль проектируется подземным под площадью Мира с эвакуационными спусками в районе пересечения Садовой ул. и пер.Грибоедова.

Фрагмент письма начальника Ленметрополитена А. Денисова главе Комиссии по наименования Н. Елисеевой о будущих названиях станций метрополитена, 8.04.1982. Источник: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 55. Д. 476. Л. 30

[4] Старожилы помнят о непривычном в тогдашнем Ленинграде автобусном маршруте № 160 от станции метро «Площадь Александра Невского» до улицы Коллонтай, работавшем в режиме экспресса. По графику на пробег этих 8 км ему отводилось 19 минут, в которые он почти никогда не укладывался, разве что в полчаса; см.: *Елохина Т. И.* Пассажирский транспорт Ленинграда: справочник по состоянию на 1 янв. 1982 г. Л., 1982. С. 41. — *Ред*.

[5] Решение Ленгорисполкома от 4 августа 1980 г. № 539: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 53. Д. 201. Л. 16. Фрагмент приложения (собственно основных положений Генеральной схемы) по срокам ввода: Там же. Л. 6. При этом участок от «Площади Александра Невского» до «Площади Мира» (нынешней «Садовой», относящейся с 2009 г. к 5-й линии) по этой схеме планировалось ввести раньше, чем участок до «Народной улицы», в 1986 г.



100об

приложение 2 к реш. 780
2

I

Станции Ленинградского метрополитена имени В.И.Ленина

Московско-Петроградская линия:

1. Станция на пересечении Выборгского шоссе и пр.Энгельса	"Озерки"	Станция расположена в микрорайоне "Озерки"
2. Станция на пересечении пр.Просвещения и пр.Энгельса	"Проспект Просвещения"	Станция расположена на пересечении пр.Просвещения и пр.Энгельса
3. Электродепо севернее Суздальского пр., на сельхозугодьях совхоза "Пригородный"	"Выборгское"	Электродепо расположено в Выборгском районе
4. Электродепо южнее Народной ул., между пр.Большевиков и Товарищеским пр.	"Правобережное"	Электродепо расположено на правом берегу Невы

Правобережная линия:

5. Станция на пересечении Народной ул. и Товарищеского пр.	"Народная"	Станция расположена на Народной ул.
6. Станция на пересечении пр.Большевиков и ул.Дыбенко	"Красных Комиссаров"	Станция расположена в районе улиц, названных в честь красных комиссаров
7. Станция между ул.Коллонтай и пр.Большевиков	"Проспект Большевиков"	Станция расположена недалеко от пр.Большевиков
	"Ижорская"	Станция находится в здании железнодорожного

ваниям улиц и объектов местного подчинения (далее — Комиссии или Комиссии по наименованиям) при Ленгорисполкоме, Натальи Елисеевой[6].

После вводной фразы о том, что «*в настоящее время ведётся строительство 1-го участка Правобережной линии Ленинградского метрополитена и проектирование 2-й и 3-й очереди строительства этой линии*», в письме дан перечень проектных названий станций с примерными местами расположения выходов. В целом, он соответствует нынешней трассировке четвёртой линии Петербургского метрополитена за исключением до сих пор не построенной конечной станции: в списке она фигурирует как «*Народная*» (без слова «улица»)[7]. Относительно интересующей нас станции «Улица Дыбенко» (соответственно, это название и было проектным) сказано, что её вестибюль «*располагается на перекрестке пр. Большевиков и ул. Дыбенко*».

[6] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 55. Д. 476. Л. 30–31.

[7] При этом «народное мнение» поместило эту будущую конечную станцию на пересечение Народной улицы и проспекта Большевиков. Надо сказать, что на одном из планов середины 1980-х гг. действительно можно увидеть подобное расположение (Карта-схема Ленинграда и окрестностей 1985 г.; http://www.kupsilla.ru/map.htm#1985). На самом деле, имея в виду перспективное расширение города на восток, она должна была находиться на продлении Народной улицы через виадук над грузовой железнодорожной станцией Нева, у предполагавшегося перекрёстка с продолжением Товарищеского проспекта, что отражено в упомянутом ниже приложении к решению Ленгорисполкома от 12 декабря 1983 г. о наименовании будущих станций Правобережной линии (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 55. Д. 613. Л. 100об). Таким образом, она была запланирована примерно там же, где и сейчас — с расположением выходов у Торгово-развлекательного комплекса «Мега-Дыбенко» и жилой застройки города Кудрово (ныне она уже, соответственно, называется «Кудрово»).

Вопрос о названиях станций Правобережной линии (а также двух станций Московско-Петроградской линии[8]) был рассмотрен на заседании Комиссии по наименованиям лишь почти год спустя — 22 марта 1983 г.[9] Докладчик — главный инженер Ленметрополитена К. И. Фролов — предложил утвердить проектное название «*Улица Дыбенко*».

О том, что именно случилось на заседании Комиссии, к сожалению, неизвестно. Высказывать догадки, почему «проектный» вариант тогда не прошёл, не будем, лишь констатируем факт: в тот день Комиссия приняла решение «*одобрить*» иное название, да ещё непривычное для Ленинградского метрополитена — «*Красных Комиссаров*»[10].

Схема Ленинградского метрополитена с будущей станцией «Улица Дыбенко», 1984. Источник: сайт «Подземка Петербурга» (https://podzemka.spb.ru/history/27)

Безусловно, у этого варианта прослеживается своя логика, опиравшаяся на наименования новых улиц Весёлого Посёлка (что и отражено в обосновании названия, о чём ниже). Однако отчего выбрали именно такую форму — в родительном падеже без существительного, которое должно было бы стоять в именительном падеже — ещё одна загадка, которая пока ответа не имеет. Сейчас можно заметить только то, что к 1983 г. в метрополитенах городов СССР уже были подобные формы названий. Нынешняя московская станция «Охотный ряд» в 1955–1957 гг. называлась «Имени Кагановича». В Харькове в 1978 г. открылась станция метро «Советской Армии» (ныне «Армейская»), в Киеве в 1982 г. — «Героев Днепра».

Так или иначе, одобренное Комиссией название прошло все необходимые согласования и 12 декабря 1983 г. оказалось утверждено решением Ленгорисполкома № 780 «О наименовании улиц и объектов местного подчинения».

[8] Это станции, открывшиеся в 1988 г., — «Озерки» и «Проспект Просвещения». Причём последнюю на заседании было рекомендовано назвать «Шувалово», что не совсем соответствует её географическому местоположению. Похожая ситуация имела место с присвоением названия станции метро «Купчино» (открытой 25 декабря 1972 г.), о чём мне уже приходилось писать, см.: *Алексеев А. Ю.* Станция метро «Купчино»: история процесса наименования // Топонимический альманах. 2019. № 2(10). С. 29–38. Ленгорисполком решением от 12.12.1983, о котором пойдёт речь далее, утвердил именно нынешнее название «Проспект Просвещения».

[9] Протокол в целом: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 55. Д. 476. Л. 1–5.

[10] Фрагмент с обсуждением вопроса о станциях метрополитена: Там же. Л. 2–3.

В Приложении № 2 к нему перечисляется ряд будущих станций Московско-Петроградской и Правобережной линий, среди которых под пунктом 6 значится «Красных Комиссаров» с обоснованием: «*Станция расположена в районе улиц, названных в честь красных комиссаров*»[11].

Вот так необычное наименование и стало официальным. Соответствующим образом было выполнено и оформление подземного зала с двухрядной колоннадой, в которую встроены шесть мозаичных композиций, завершающихся большим торцевым мозаичным панно с изображением молодой, одетой в кожанку женщины[12]. В левой руке она держит винтовку, в высоко поднятой правой — табличку с лозунгом: «Свобода. Мир. Братство. Равенство. Труд»[13].

Впрочем, на схемах, отражающих ситуацию 1983–1984 гг., ещё можно видеть название «Улица Дыбенко»[14], которое, очевидно, продолжало использоваться как проектное до момента открытия станции[15]. Но после ввода в эксплуатацию участка «Площадь Александра Невского» — «Проспект Большевиков», который, как и предусматривалось основными положениями Генеральной схемы 1980 г., произошёл в 1985 г. (успели в предпоследний день — 30 декабря), стало применяться наименование «Красных Комиссаров»[16].

Схема Ленинградского метрополитена на карманном календарике с будущей станцией «Красных Комиссаров», 1986. Источник: сайт «Подземка Петербурга» (https://podzemka.spb.ru/history/23)

[11] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 55. Д. 613. Л. 97 (само решение), 98–104об. (приложения). Фрагмент приложения № 2 с упоминанием станции метро «Красных Комиссаров»: Там же. Л. 100об.

[12] Не иначе, её прообразом послужила комиссар из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского; см.: *Жданов А.* Метрополитен Петербурга: легенды метро; проекты; архитекторы; художники и скульпторы; станции; наземные вестибюли. М.; СПб., 2017. С. 517–518. — *Ред.*

[13] Подробнее об оформлении как надземного павильона, так и подземного зала см.: Станция метрополитена «Улица Дыбенко» // https://www.citywalls.ru/house16454.html.

[14] Например, схема 1984 г. (https://podzemka.spb.ru/history/27).

[15] Например, в плане подрядных строительно-монтажных работ Главтоннельметростроя на 1987 г. упоминается «Правобережная линия от ст. Пл. А. Невского до ст. ул. Дыбенко» (ЦГА СПб. Ф. Р-9644. Оп. 6. Д. 355. Л. 40). В письме из данной организации начальнику Ленметростроя Г.А .Фёдорову от 13.02.1987 относительно изменения плана указанных работ также говорится об «…уч-ке пл. А. Невского — ул. Дыбенко» (Там же. Л. 33).

[16] Например, схема Ленинградского метрополитена на карманном календарике, 1986 (https://podzemka.spb.ru/history/23).

Однако темпы метростроения явно не соответствовали прежним довольно амбициозным планам (увы, сейчас это несоответствие выглядит ещё выразительнее). В какой-то момент было решено запустить одну станцию «Красных Комиссаров», без «Народной».

Приближение открытия станции, которое должно было состояться во второй половине 1987 г., обозначило новый поворот в процессе её наименования. Изменения внутриполитической ситуации в середине — второй половине 1980-х гг. привели к повсеместной активизации общественного мнения, в том числе по вопросам развития городской среды, неотъемлемой составной частью которой являются наименования. Так, при Ленинградском отделении Союза Писателей СССР была создана отдельная комиссия по городской истории и культуре, во главе которой стал Михаил Чулаки. В числе направлений её деятельности декларировалось «*формирование и выражение писательского общественного мнения по злободневным вопросам культурной жизни нашего города*», причём среди них были указаны и вопросы «*городской топонимики*»[17].

Письмо председателю Ленгорисполкома Владимиру Ходыреву о целом ряде переименований М. Чулаки направил 27 мая 1987 г.: «*Мы входим в Ленгорисполком со следующими официальными предложениями…*»[18]

Речь шла как о возвращении отдельных исторических названий, например, Галерной улицы (в то время — Красной), Сенной площади (площади Мира), Ланского шоссе (проспект Н. И. Смирнова), так и об изменении названий некоторых объектов, в частности, на метрополитене: «*Мы считаем, что станции метро следует наименовать строго по топографическому принципу, как это принято на железных дорогах и предлагаем переименовать:*

станцию „Комсомольская“ в „Девяткино“[19]

„Пионерская“ в „Комендантский аэродром“

строющуюся (так в тексте. — *А. А.*) *станцию „Красных комиссаров“ в „Весёлый посёлок“*»[20].

Таким образом, в последнем примере комиссия при Ленинградской писательской организации предлагала использовать хорошо известное историческое наименование этой части города, восходящее, по общепринятой версии, к располагавшейся здесь со 2-й половины XIX в. немецкой колонии Lustdorf[21].

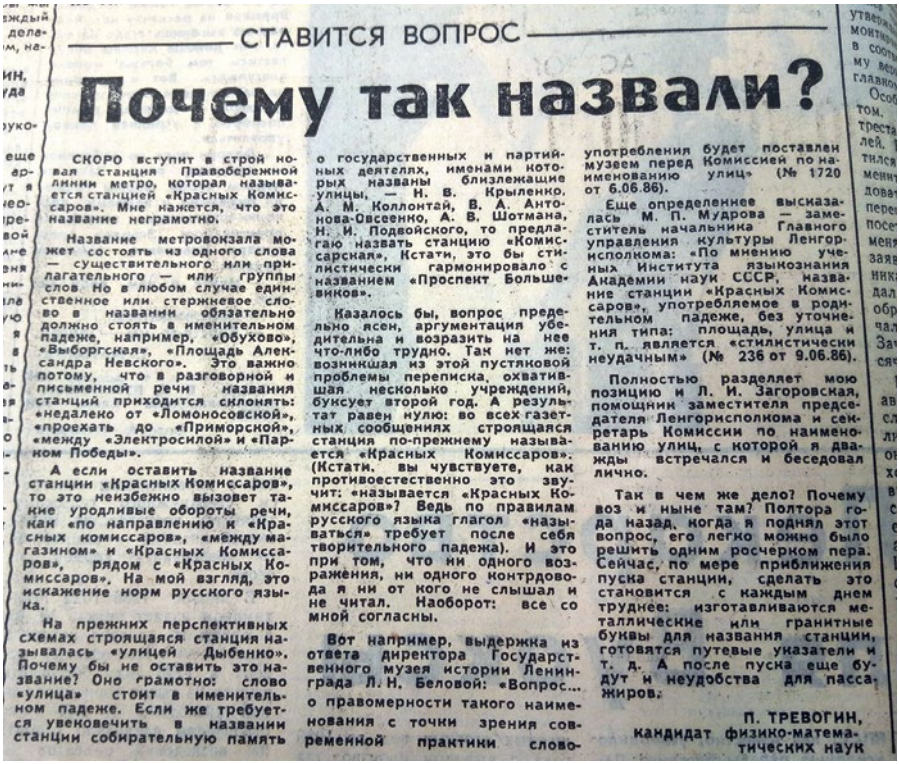
[17] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 35. Л. 107.

[18] Там же. Л. 105–106.

[19] Что и произошло 1 июля 1992 г.

[20] Об этом же М. Чулаки говорит в своей статье «Куда приезжаем на метро?», появившейся в газете «Вечерний Петербург» 23 октября 1991 г.; перепеч. см.: Топонимический альманах. 2021. № 2 (14). С. 58–59.

[21] См., например: *Глезеров С. Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. М., 2022. С. 42–43.



СТАВИТСЯ ВОПРОС

Почему так назвали?

СКОРО вступит в строй новая станция Правобережной линии метро, которая называется станцией «Красных Комиссаров». Мне кажется, что это название неграмотно.

Название метровокзала может состоять из одного слова — существительного или прилагательного — или группы слов. Но в любом случае единственное или стержневое слово в названии обязательно должно стоять в именительном падеже, например, «Обухово», «Выборгская», «Площадь Александра Невского». Это важно потому, что в разговорной и письменной речи названия станций приходится склонять: «недалеко от «Ломоносовской», «проехать до «Приморской», «между «Электросилой» и «Парком Победы».

А если оставить название станции «Красных Комиссаров», то это неизбежно вызовет такие уродливые обороты речи, как «по направлению к «Красных комиссаров», «между магазином» и «Красных Комиссаров», рядом с «Красных Комиссаров». На мой взгляд, это искажение норм русского языка.

На прежних перспективных схемах строящаяся станция называлась «улицей Дыбенко». Почему бы не оставить это название? Оно грамотно: слово «улица» стоит в именительном падеже. Если же требуется увековечить в названии станции собирательную память о государственных и партийных деятелях, именами которых названы близлежащие улицы, — Н. В. Крыленко, А. М. Коллонтай, В. А. Антонова-Овсеенко, А. В. Шотмана, Н. И. Подвойского, то предлагаю назвать станцию «Комиссарская». Кстати, это бы стилистически гармонировало с названием «Проспект Большевиков».

Казалось бы, вопрос предельно ясен, аргументация убедительна и возразить на нее что-либо трудно. Так нет же: возникшая из этой пустяковой проблемы переписка, охватившая несколько учреждений, буксует второй год. А результат равен нулю: во всех газетных сообщениях строящаяся станция по-прежнему называется «Красных Комиссаров». (Кстати, вы чувствуете, как противоестественно это звучит: «называется «Красных Комиссаров»? Ведь по правилам русского языка глагол «называться» требует после себя творительного падежа). И это при том, что ни одного возражения, ни одного контрдовода я ни от кого не слышал и не читал. Наоборот: все со мной согласны.

Вот например, выдержка из ответа директора Государственного музея истории Ленинграда Л. Н. Беловой: «Вопрос... о правомерности такого наименования с точки зрения современной практики словоупотребления будет поставлен музеем перед Комиссией по наименованию улиц» (№ 1720 от 6.06.86).

Еще определеннее высказалась М. П. Мудрова — заместитель начальника Главного управления культуры Ленгорисполкома: «По мнению ученых Института языкознания Академии наук СССР, название станции «Красных Комиссаров», употребляемое в родительном падеже, без уточнения типа: площадь, улица и т. п. является «стилистически неудачным» (№ 236 от 9.06.86).

Полностью разделяет мою позицию и Л. И. Загоровская, помощник заместителя председателя Ленгорисполкома и секретарь Комиссии по наименованию улиц, с которой я дважды встречался и беседовал лично.

Так в чем же дело? Почему воз и ныне там? Полтора года назад, когда я поднял этот вопрос, его легко можно было решить одним росчерком пера. Сейчас, по мере приближения пуска станции, сделать это становится с каждым днем труднее: изготавливаются металлические или гранитные буквы для названия станции, готовятся путевые указатели и т. д. А после пуска еще будут и неудобства для пассажиров.

П. ТРЕВОГИН,
кандидат физико-математических наук

Послание не осталось без внимания, как и другие подобные инициативы по восстановлению исторической петербургской топонимики. Вопрос о возвращении прежних наименований ряду ленинградских улиц поднимался на заседаниях Комиссии по наименованиям 3 февраля и 1 декабря 1987 г.[22] Однако по интересующему нас «краснокомиссарскому» вопросу бóльшее значение, скорее всего, имело другое письмо, о котором пойдёт речь ниже.

Ещё одним противником утверждённого наименования станции стал писатель, переводчик, историк города, впоследствии некоторое время член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, а во второй половине 1980-х гг. — старший эксперт (сам он себя называл старшим советником) Ленинградского отделения Советского Фонда культуры Михаил Талалай. Развёрнутую статью о названиях станций метро он подготовил ещё в феврале 1986 г. Правда, в то время она не сумела пробиться к читателю и увидела

[22] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 35. Л. 11 (Вопрос о возвращении исторических названий на заседании 3 февраля), 48, 68–70 (тот же вопрос на заседании 1 декабря).

свет много лет спустя[23]. В ней М. Талалай высказал свои предложения по вариантам наименований и для некоторых действующих станций, и для строившихся. Для станции «Красных Комиссаров» он выдвинул тот же альтернативный вариант: «*Вторая станция на проспекте Большевиков в проекте носит неудобное название „Красных Комиссаров", хотя должна однозначно быть „Весёлым Посёлком", в самом центре которого будет открыта*»[24].

Исходя из вышесказанного, неудивительно, что в атмосфере перемен второй половины 1980-х гг. к вопросу о «Красных Комиссарах» неизбежно вернулись.

Важной вехой в процессе смены наименования будущей станции стало письмо кандидата физико-математических наук, сотрудника НИИ Минсудпрома Петра Тревогина, опубликованное 18 июня 1987 г. под заголовком «Почему так назвали?».

«*Скоро вступит в строй новая станция Правобережной линии метро, которая называется станция „Красных Комиссаров". Мне кажется, что это название неграмотно*», — начинает свои рассуждения автор. Далее он указывает, что в наименовании станций метро должно быть «*стержневое*» слово в именительном падеже, поскольку в письменной и разговорной речи названия станций склоняются. Конструкция же «Красных Комиссаров», по мнению П. Тревогина, грозила уродливыми оборотами вроде «*по направлению к „Красных Комиссаров"*» или «*между магазином и „Красных Комиссаров"*».

По ходу письма он задавался вопросом: «*…вы чувствуете, как противоестественно это звучит:* (станция. — *А. А.*) *называется „Красных Комиссаров"?*» — и предлагал в качестве альтернативы вернуться к проектному названию или найти иное: «*На прежних перспективных схемах строящаяся станция называлась „улицей* (sic! — *А. А.*) *Дыбенко". Почему бы не оставить это название? Оно грамотно: слово "улица" стоит в именительном падеже. Если же требуется увековечить в названии станции собирательную память о государственных и партийных деятелях, именами которых названы близлежащие улицы, <…> то предлагаю назвать станцию „Комиссарская". Кстати, это бы стилистически гармонировало с названием „Проспект Большевиков"*».

П. Тревогин замечал, что вопрос о названии станции был поднят им задолго до отправки письма в газету: «*переписка, охватившая несколько учреждений, буксует второй год*». При этом лица, с которыми он связывался лично или посредством переписки — директор Музея истории Ленинграда и давний член Комиссии по наименованиям Людмила Белова, заместитель начальника Главного управления культуры Ленгорисполкома, также член Комиссии Марта Мудрова и секретарь Комиссии Лидия Загоровская — по отношению к принятому в 1983 г. названию станции высказывались негативно. Несмотря на это, вопрос так и оставал-

[23] См.: *Талалай М. Г.* «Подземная» топонимика. Заметки праздного наблюдателя // Новый топонимический журнал. 2011. № 1/2 . С. 81–91.

[24] Там же. С. 90.

ся нерешённым, что вызывало недоумение автора письма, указавшего в его завершении, что с приближением момента открытия станции заменить название будет сложнее, поскольку готовятся соответствующие таблички и надписи, «*а после пуска ещё будут и неудобства для пассажиров*»[25].

Значение письма П. Тревогина в данной истории состоит в том, что оно не осталось без реакции. По нему 29 июня 1987 г. (оперативно!) в адрес председателя Ленгорисполкома Владимира Ходырева была направлена докладная записка: «*Названия станциям метрополитена как правило определяются по географии местности, исходя из точки выхода станции метрополитена на магистрали города.*

22 марта 1983 года на заседании Городской комиссии по наименованиям улиц и объектов местного подчинения главный инженер Ленметрополитена т<оварищ> Фролов К. И. и директор института Ленметрогипротранс внесли на рассмотрение название станции метрополитена на пересечении пр. Большевиков и ул. Дыбенко — „Ул<ица> Дыбенко". При обсуждении данного вопроса Комиссия предложила другое наименование — „Красных комиссаров". Данное предложение в числе других было направлено в ГК КПСС и ОК КПСС (т. е. городской и областной комитеты партии. — *А. А.*). *Замечаний не было. Решением Исполкома Ленсовета от 12.12.83 № 780 название станции метро "Красных комиссаров" было утверждено.*

По мнению института языкознания Академии наук СССР (представитель которого профессор т<оварищ> Бабкин присутствовал на Комиссии 22.03.83 и выражений (sic! — *А. А.*) *не высказал) название станции „Красных комиссаров", употребляемое в родительном падеже, без уточнения типа: площадь, улица и т. п., является "стилистически неудачным".*

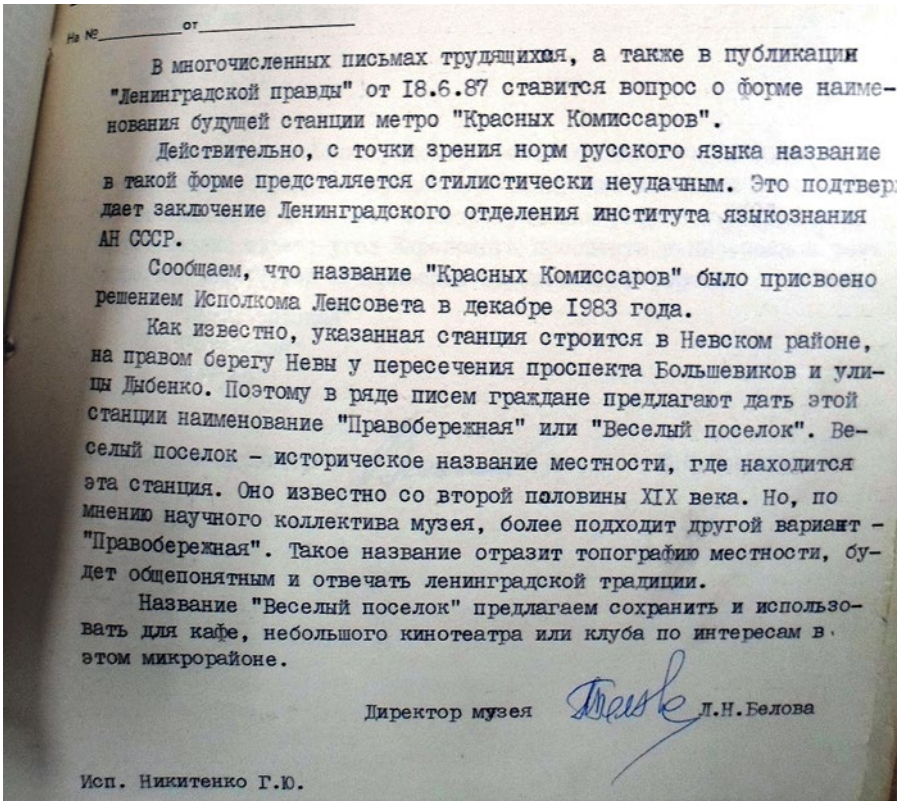
В настоящее время Комиссия готовит материал по наименованию и переименованию Станций (sic! — *А. А.*) *метрополитена, который будет обсуждён с общественностью города и вынесен на рассмотрения* (sic! — *А. А.*) *Президиума Исполкома Ленсовета*»[26].

Данная записка была оформлена за подписью заместителя В. Ходырева, руководившего по должности Комиссией по наименованиям. Таковым руководителем в то время была уже не Наталья Елисеева, а Валентина Матвиенко.

Через несколько дней, 1 июля 1987 г., в адрес самой Валентины Ивановны было отправлено письмо от уже упомянутой директора музея истории города Людмилы Беловой. В нём также содержится ссылка на тезисы П. Тревогина. Опираясь на них и на постановку вопроса о наименовании станции в «*многочисленных письмах трудящихся*», в частности — на ту же отрицательную филологическую оценку названия «Красных Комиссаров», Л. Белова представила иные возможные варианты названий. «*Как известно, указанная*

[25] *Тревогин П.* Почему так назвали? // Ленинградская правда. 1987. 18 июня. С. 2.

[26] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 427. Л. 16.



На №_____от_____

В многочисленных письмах трудящихся, а также в публикации "Ленинградской правды" от 18.6.87 ставится вопрос о форме наименования будущей станции метро "Красных Комиссаров".

Действительно, с точки зрения норм русского языка название в такой форме предсталяется стилистически неудачным. Это подтверждает заключение Ленинградского отделения института языкознания АН СССР.

Сообщаем, что название "Красных Комиссаров" было присвоено решением Исполкома Ленсовета в декабре 1983 года.

Как известно, указанная станция строится в Невском районе, на правом берегу Невы у пересечения проспекта Большевиков и улицы Дыбенко. Поэтому в ряде писем граждане предлагают дать этой станции наименование "Правобережная" или "Веселый поселок". Веселый поселок – историческое название местности, где находится эта станция. Оно известно со второй половины XIX века. Но, по мнению научного коллектива музея, более подходит другой вариант – "Правобережная". Такое название отразит топографию местности, будет общепонятным и отвечать ленинградской традиции.

Название "Веселый поселок" предлагаем сохранить и использовать для кафе, небольшого кинотеатра или клуба по интересам в этом микрорайоне.

Директор музея Л.Н.Белова

Исп. Никитенко Г.Ю.

Письмо Л. Беловой в адрес В. Матвиенко насчёт наименования будущей станции метрополитена, 1.07.1987. Источник: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 35. Л. 120

станция строится в Невском районе, на правом берегу Невы у пересечения проспекта Большевиков и улицы Дыбенко. Поэтому в ряде писем граждане предлагают дать этой станции наименование „Правобережная" или „Весёлый посёлок". Весёлый посёлок — историческое название местности, где находится эта станция. Оно известно со второй половины XIX века. Но, по мнению научного коллектива музея, более подходит другой вариант — „Правобережная". Такое название отразит топографию местности, будет общепонятным и отвечать ленинградской традиции»[27].

Из приведённого отрывка видно, что вместо «Красных Комиссаров» горожане предлагали варианты, связанные с расположением станции. В свою очередь, Музей истории

[27] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 35. Л. 120.

ИСПОЛКОМ ЛЕНСОВЕТА РЕШИЛ

Название изменено

БОЛЬШИНСТВО ленинградцев сочли неудачным первоначальное название станции Правобережной линии метрополитена, расположенной на пересечении проспекта Большевиков и улицы Дыбенко. О необходимости выбора нового названия горожане писали в Ленгорисполком, поднималась эта проблема и в прессе.

Учитывая общественное мнение — назвать новую станцию по ее географическому расположению, Исполком Ленсовета принял решение о переименовании станции метрополитена «Красных комиссаров» в «Улицу Дыбенко».

Ее открытие намечено на 30 сентября нынешнего года.

В. ЯКОВЛЕВ

Ленинграда, признавая историческое значение по-прежнему бытовавшего топонима «Весёлый посёлок», уже выдвинутого ранее комиссией при Ленинградской писательской организации, высказывался за то наименование, которое, видимо, представлялось «солиднее»[28].

В результате для наименования не были приняты ни тот, ни другой варианты. В какой-то момент лета 1987 г. попросту вернулись к проектному названию — «Улица Дыбенко», причём на заседание Комиссии вопрос за неимением времени, похоже, даже не выносился. Оказалось достаточно и того, что 24 августа первый заместитель председателя Ленгорисполкома Казимир Лабецкий отправил в Ленинградский областной комитет КПСС письмо на тему «О переименовании станции метрополитена „Красных комиссаров"»: «*В связи с вводом в эксплуатацию 30 сентября 1987 года станции метрополитена „Красных комиссаров" Правобережной линии Исполком Ленсовета просит ускорить рассмотрение вопроса о её переименовании в станцию „Улица Дыбенко", что соответствует сложившейся городской топонимике и связано с местонахождением станции*»[29].

Судя по всему, обком почти сразу одобрил данное предложение, и уже 3 сентября 1987 г. вопрос был окончательно рассмотрен на заседании президиума Ленгорисполкома. Докладчиком выступил сам «*тов<арищ> Ходырев В. Я.*». Представленный проект одобрили с его ремаркой о необходимости публикации.

Соответственно, в этот же день, 3 сентября, вышло решение Ленгорисполкома № 701 «О наименовании станции метро», которым искомый вопрос официально закрывался: «*Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета народных депутатов*

РЕШИЛ:

1. Переименовать станцию „Красных комиссаров" Ленинградского метрополитена имени В. И. Ленина, расположенную на пересечении пр. Большевиков и ул. Дыбенко, и присвоить ей название „Улица Дыбенко".

[28] Хотя затруднительно понять, почему именно для этой станции допускалось наименование «Правобережная», тем более что она расположена на очень значительном удалении от правого берега Невы. — *Ред.*

[29] Цит. по: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 427. Л. 22.

2. Считать утратившим силу пункт 6 приложения 2 решения Исполкома Ленсовета от 12 декабря 1983 года № 780»[30].

Тогдашняя главная городская газета не замедлила поместить соответствующую заметку: «*…учитывая общественное мнение — назвать станцию по её географическому расположению, Исполком Ленсовета принял решение о переименовании станции метрополитена „Красных комиссаров" в „Улицу Дыбенко"*»[31].

Так станция получила окончательное название, под которым менее чем месяц открылась для пассажиров.

Подведём итог. Несмотря на то, что в статье удалось уточнить ряд деталей истории наименования данной станции метро, остаются вопросы: откуда взялся вариант с «Красными Комиссарами»? что способствовало возвращению к проектному варианту — и почему именно к нему?..

Мозаика на станции «Улица Дыбенко», 2022. Фотография автора

В завершение обязательно стоит отметить, что вопрос о переименовании этого метровокзала поднимался уже и в нашем столетии. На заседании Топонимической Комиссии Санкт-Петербурга 18 декабря 2006 г. была принята рекомендация об изменении названия на «Весёлый Посёлок» с совершенно логичным давним обоснованием: «*станция находится в центре исторического района Весёлый Посёлок*». Решение о переименовании предлагалось приурочить к грядущему «переключению» линий, когда участок четвертой линии от «Садовой» до «Комендантского проспекта» должен был отойти к новой, пятой линии (что и произошло в марте 2009 г.).

[30] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 58. Д. 178. Л. 155.

[31] *Яковлев В.* Название изменено // Ленинградская правда. 1987. 6 сент. С. 4.

Однако это переименование так и не удалось провести. На следующем заседании Комиссии, 23 апреля 2007 г., было констатировано, что «*предложение Топонимической комиссии о переименовании станций метрополитена „Проспект Большевиков" в „Оккервиль" и „Улица Дыбенко" в „Весёлый Посёлок" отклонено Метрополитеном и Комитетом по транспорту по причине нецелесообразности переименований при сохранении существующих названий одноимённых улицы и проспекта, а также в связи с отсутствием чёткой привязки новых названий к местности*»[32].

Станция «Улица Дыбенко» и по сей день сохраняет своё название.

[32] Протоколы заседаний Топонимической комиссии: https://toponimika.spb.ru/toponimicheskaya-komissiya-sankt-peterburga/protokoly-zasedanij-komissii.html. Так сложилось, что эта неудачная попытка переименования имела место в то время, когда главой города была Валентина Матвиенко.

Б. Н. Тихомиров

ГОГОЛЬ, ДОСТОЕВСКИЙ И ДРУГИЕ

В «миражном Петербурге» краеведческих публикаций

В начале своей статьи «Адресация в Петербурге: назад в XVIII век»[1], её автор А. Б. Рыжков, сделав исторический экскурс в прошлое нашего города, напомнил, как начиная с 1780 г. и на протяжении значительной части XIX в. сменяли друг друга несколько систем нумерации домов в Северной столице. Автора статьи, однако, больше волновали современные проблемы адресации в Петербурге, и сделанный им исторический экскурс был по необходимости весьма краток. Мне же хочется более подробно рассмотреть затронутый А. Б. Рыжковым вопрос о неоднократных сменах систем нумерации столичных домов в XIX в., заострив внимание на том, с какими непростыми проблемами сталкиваются исследователи, когда в их разысканиях возникает необходимость установить соответствие исторических адресов знаменитых жителей, городских учреждений и т. п., как они зафиксированы в документах XIX в., с этими же адресами на современной карте города.

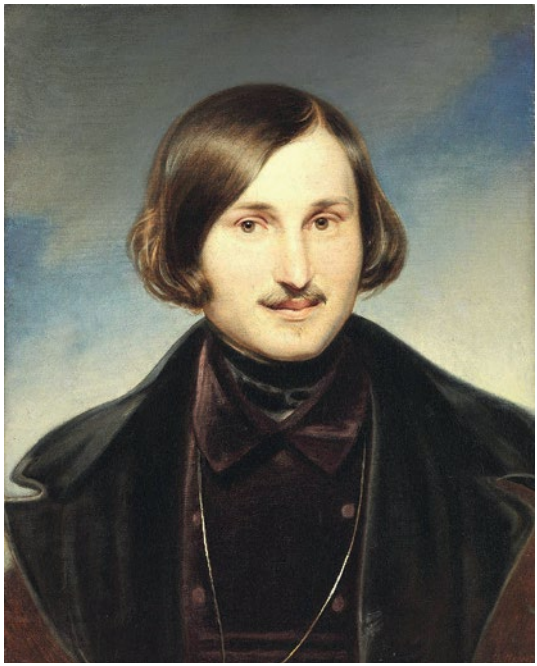
Материалом для моих наблюдений главным образом послужили многочисленные ошибки и недоразумения в петербургских (ленинградских) краеведческих изданиях, посвящённых адресам преимущественно литераторов (писателей, критиков, журналистов), биографии которых тесно связаны с нашим городом. Мною, однако, движет отнюдь не критический пафос «разоблачения», а стремление обнажить проблему, выявить причины её возникновения, поделиться методиками решения задачи установления современного адреса, когда в нашем распоряжении имеется документально подтверждённый адрес исторический.

Забегая вперёд, отмечу, что круг источников, помогающих решить названную проблему, а также конкретные методы краеведческих разысканий будут различными в зависимости от того, идёт ли речь об исторических адресах первой трети XIX в., периода между 1834 и 1858 гг., или же трёх последующих десятилетий до 1887 г. (начиная с которого острота проблемы в значительной степени снимается).

В дальнейшем изложении я и буду двигаться по хронологии, от 1820-х к 1880-м гг., сосредоточивая внимание на адресах наиболее значительных деятелей отечественной культуры, живших и творивших в Петербурге.

Начну с книги «Гоголь в Петербурге», фактически открывшей (ещё вне серийного оформления) популярную серию «Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петро-

[1] *Рыжков А. Б.* Адресация в Петербурге: назад в XVIII век // Топонимический альманах. 2021. № 2 (14). С. 43–51.



граде — Ленинграде». В конце её в табличной форме приведено семь адресов автора «Ревизора» и «Мёртвых душ» в Северной столице: сначала указан исторический адрес, преимущественно в той форме, в которой он фигурирует в письмах Гоголя, а затем адрес современный. В двух случаях авторы не смогли установить нынешний адрес и в соответствующей графе, ограничившись нынешним названием улицы, далее отметили: «*Не найден*»[2]. Это, однако, ещё «полбеды» (хотя по крайней мере в одном случае указать современный адрес не составляет труда). «Беда» в другом: из пяти оставшихся адресов в двух случаях современный адрес назван неверно.

В письме матери от 3 января 1829 г. Гоголь указывает свой первый адрес в Петербурге: «*III-й Адмиралтейской части на Гороховой улице подле Семёновского моста в доме купца Галыбина под № 130*». Откуда взялся такой номер дома на улице, на которой сегодня насчитывается всего лишь 75 домов, да и в XIX в. было не больше? Дело в том, что до 1834 г. в Северной столице отсутствовала поуличная нумерация зданий, а была принята единая сквозная нумерация домов в пределах каждой полицейской части. В частности, в 3-й Адмиралтейской части дома́ были пронумерованы с № 1 по № 332[3].

Обращение к адресным книгам 1820-х гг. подтверждает, что указанным домом № 130 владел купец 3-й гильдии Николай Ефимович *Галибин*[4]. Но где конкретно на Гороховой улице располагалось его домовладение? Авторы книги в графе «Современный адрес» помечают: «*Ул. Дзержинского*[5]*, участок дома № 44*». И в графе «Современное состояние дома»:

[2] *Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 307.

[3] См.: Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов: на 1823 год / изд. С. Аллер. СПб., 1822. С. 18–28.

[4] См.: Там же. С. 22, 246; Руководство к отыскиванию жилищ по Санктпетербургу, или Прибавление к адресной книге: указатель жилищ и зданий в С. Петербурге / изд. С. Аллер. СПб., 1824. С. 85.

[5] Здесь и далее не оговариваю случаев возвращения исторических названий начиная с 1991 г.

«Не сохранился» (с. 307). Как именно осуществлён перевод исторической нумерации в современную, не сообщается. Но ведь это же достаточно сложная, «многоходовая» операция!

Когда в 1834 г. по всеподданнейшему представлению столичного генерал-губернатора графа П. К. Эссена последовало высочайшее повеление императора Николая I о переходе на пуличную нумерацию домов, для удобства жителей столицы был издан справочник, в котором в табличной форме указывались как старые, так и новые номера домов. Обращение к этому изданию позволяет установить, что домовладение купца Галибина в III-й Адмиралтейской части, имевшее до 1834 г. № 130, получило новый адрес: по Гороховой улице, № 47[6]. Однако, это пока не окончательный ответ. В 1858 г. в Северной столице произошло ещё одно изменение системы нумерации домов: по всему городу чётные стороны улиц стали нечётными и наоборот (бывший дом № 1 становился домом № 2, а дом № 2 — домом № 1 и т. д.). Причём процесс перемены номеров нередко сопровождался упорядочиванием пуличной нумерации: в частности, соседний с бывшим домом Галибина дом Александры Костылевой, имевший двойной № 43–45, так как был построен на месте некогда двух отдельных домовладений, теперь получил единый № 44. В силу этого следующий за ним дом № 47, которым после Галибина владел купец Фёдор Степановский, получил при перенумерации не ожидаемый № 48, а № 46. В этом можно убедиться, сопоставив данные «Атласа 13-ти частей С.-Петербурга» Н. И. Цылова 1849 г., со справочником «Улицы С.-Петербурга» того же автора, выпущенным в 1862 г. В первом издании дом Степановского на Гороховой улице имеет № 47, во втором — № 46[7].

Этот номер бывший дом купца Галибина сохраняет и по сей день. Достоверности такой идентификации помогает, в частности, то, что указанный в Атласе Цылова на плане Гороховой улицы от Каменного моста до Семёновского дом Степановского показан как третий перед мостом — это именно сегодняшний дом № 46.

История этого дома подробно изложена в книге Л. И. Бройтман «Гороховая улица», основанной на многолетней работе автора с архивными материалами. Сведения авторитетного краеведа подтверждают приведённые мною наблюдения: именно этот дом, построенный в начале 1790-х гг., приобрёл в 1797 г. с аукционного торга купец Ефим Галибин; во второй половине декабря 1829 г., когда домовладельцем был уже его сын, в нём и поселился юный Николай Гоголь. В 1871–1872 гг. дом перестроили архитекторы И. Е. Китнер и В. А. Шретер, однако весь первый этаж, балкон над воротами и некоторые иные элементы

[6] См.: Нумерация домов в Санкт-Петербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским въездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов. СПб., 1836. С. 19 (1-я араб. паг.), 53 (2-я араб. паг.).

[7] См.: *Цылов Н.* Атлас 13-ти частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казённых и обывательских домов. СПб., 1849. Л. 47; Улицы С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году / сост. Н. Цылов. СПб., 1862. С. 70.

здания сохранились от первоначальной постройки[8]. Поэтому необходимо скорректировать и указание авторов книги «Гоголь в Петербурге», согласно которому первый петербургский дом, в котором нашёл квартиру писатель по приезде в Северную столицу, «не сохранился». Более точной будет помета: «*Перестроен*».

Такое подробное, «пошаговое» изложение сведений об изменении нумерации дома Галибина потребовалось, чтобы показать реальную сложность рассматриваемого вопроса, а также наглядно продемонстрировать приёмы необходимой исследовательской работы. В дальнейшем буду по возможности более краток.

Аналогичный «сдвиг» произошёл при указании современных «координат» и второго петербургского адреса Гоголя. В письме к матери от 30 апреля 1829 г. писатель сообщал, что «переменил прежнюю квартиру». Воспоминания друга Гоголя А. С. Данилевского, с которым по приезде в Петербург он некоторое время жил вместе, позволяют установить, что они поселились в доме Трута у Кокушкина моста. В книге «Гоголь в Петербурге» исторический адрес указан так: «*Екатерининский канал, рядом с церковью Вознесения, дом Трута*». Современный — «*Кан. Грибоедова, участок дома № 74*» (с. 307).

Использованные выше справочники и здесь позволяют внести уточнения. Исторический адрес должен выглядеть так: Екатерининский канал, дом коллежского секретаря аптекаря Ивана Фёдоровича Трута, № 234[9]. При переходе на поуличную нумерацию в 1834 г. дом получил № 65 (домовладельцами были уже Миллер-Закомельские). После перемены в 1858 г. нечётных номеров набережной на чётные он стал № 72. Как и в случае с домом Галибина, этот номер бывший дом аптекаря Трута имеет и ныне. Или, точнее сказать: не «бывший дом Трута», а участок, на котором он стоял и на котором в 1895 г. был построен новый дом в стиле модерн.

Соседний же дом № 74, ошибочно указанный авторами книги «Гоголь в Петербурге», был возведён в 1864–1865 гг. на месте двух небольших построек, принадлежавших Вознесенской церкви и до 1834 г. значившихся не под номером, а под литерой «Ф»[10]. В 1834 г. они получили совокупный № 67[11], а в 1858 г. — № 74[12].

Как будет показано далее, ошибки такого типа отнюдь не частный промах авторов данного издания, а распространённая «болезнь» многих книг серии «Выдающиеся деятели

[8] *Бройтман Л. И.* Гороховая улица. СПб., 2010. С. 282, 284.

[9] См.: Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге… СПб., 1822. С. 25, 305; Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу… СПб., 1824. С. 420.

[10] Нумерация домов в Санкт-Петербурге… С. 152 (1-я араб. паг.).

[11] Там же. Также см.: *Цылов Н.* Атлас 13-ти частей С.-Петербурга… Л. 39.

[12] См.: Улицы С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. С. 99; *Нейгардт П.* Список домам С.-Петербурга по полицейским частям. СПб., 1869. С. 65 (здесь: церковнослужителей церкви Вознесения Господня).

науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде» и подобных им изданий. Как представляется, корень проблемы здесь в том, что подобные книги заказывались, как правило, *литературоведам*, порой достаточно именитым, но не обладающим навыками и методиками *историко-краеведческих* исследований, не имевшим достаточного кругозора в части справочной литературы XIX в. по данному вопросу.

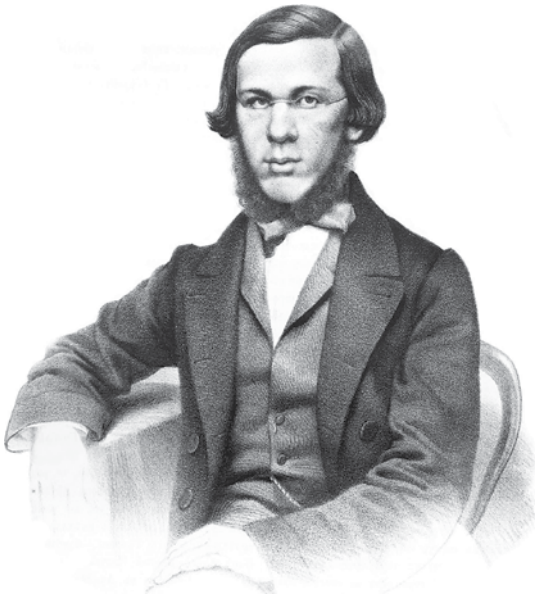
То, что такое предположение весьма правомерно, демонстрирует рассмотрение ещё одного адреса в книге «Гоголь в Петербурге». В ноябре–декабре 1832 г. в письмах к нескольким своим корреспондентам Гоголь так указывает свой адрес: «*…квартира моя II Адм<иралтейской> части, в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки*». По поводу этого адреса авторы книги «Гоголь в Петербурге», маститые литературоведы, сообщают, что Новый переулок ныне называется переулком Антоненко, но современный дом, соответствующий дому Демут-Малиновского, «не найден» (с. 307). Однако опытный исследователь справится с этой задачей без труда.

Впрочем, отмечу, что определить былое положение этого дома на современной карте Петербурга, действительно, мудрено, так как сейчас на его месте располагается левое, восточное крыло (так называемый Гофмейстерский флигель) Мариинского дворца, построенного в 1839–1844 гг. Всё же разобраться в этом можно. При обращении ко второму разделу справочника «Нумерация домов в Санкт-Петербурге» — «Алфавитному списку владельцам домов в С.-Петербурге» — в два действия устанавливается, что статский советник В. И. Демут-Малиновский владел в Новом переулке домом № 4, числившемся до 1834 г. под № 72[13]. Всего по этой стороне в Новом переулке было пять домов. К 1839 г. дома под № 2, 4 и 6 были выкуплены у владельцев в связи с планируемой постройкой Мариинского дворца. Показательно, что в «Адрес-календаре санкт-петербургских жителей» К. Нистрема, выпущенном в 1844 г., дворец Е. И. В. великой княгини Марии Николаевны показан по Новому переулку без номера, а вот два следующих за ним дома сохранили свои номера, под которыми они числились во второй половине 1830-х гг.: № 8 и 10[14], — дополнительное свидетельство, что под дворцовую застройку отошли дома № 2, 4 и 6. Левое, восточное крыло Мариинского дворца гораздо длиннее правого, западного, и простирается в глубину переулка Антоненко примерно на 80 метров. Где-то в его середине и располагался дом знаменитого скульптора В. И. Демут-Малиновского, имевший во время проживания в нём Гоголя № 72.

Более сложный случай представляет адрес Н. А. Добролюбова на Моховой улице, где критик жил в 1859–1860 гг. Одному из своих корреспондентов он сообщал 5 сентября 1859 г.: «*Живу я теперь на новой квартире, в Моховой, дом Гутковой, № 7, кварт. № 1*». На первый взгляд, всё кажется очень простым: дом № 7 в нумерации после 1858 г. и сегодня имеет

[13] Нумерация домов в Санкт-Петербурге… С. 74 (2-я араб. пагин.) и с. 32 (1-я араб. пагин.).

[14] Адрес-календарь санкт-петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом: в 3 т. Т. 1. СПб., 1844. С. 48 (2-я паг.).



тот же номер. Но вот очередная «беда»: по указанию краеведов, изучавших историю Моховой улицы, с 1857 или с 1858 г. владелицей этого дома была княгиня В. Ф. Оболенская[15]; она же показана домовладелицей и в 1862 г.[16] По-видимому, это обстоятельство заставило биографов Добролюбова предположить, что критик «по инерции» указал номер дома в старой нумерации, изменившейся в минувшем 1858 г. У дома № 7 по старой нумерации во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. менялись домовладельцы. Согласно данным на 1853 г., домом владел купец М. Вахрушев; в справочнике 1862 г. домовладельцем указан граф А. П. Шувалов. Исследователи, очевидно, допустили, что между ними какое-то короткое время домовладелицей являлась и указанная в письмах Добролюбова мадам Гуткова.

Вслед за этим возникла труднообъяснимая путаница: дом по Моховой, числившийся в нумерации до 1858 г. под № 7, ныне имеет № 10, но со времён выхода книги С. А. Рейсера «Революционные демократы в Петербурге» ошибочно указывается, что на этом месте теперь современный дом № 6[17]. Эта очевидная ошибка повторяется в целом ряде изданий, в том числе в книге Н. А. Золиной и Н. Г. Леонтьева «Добролюбов в Петербурге»[18].

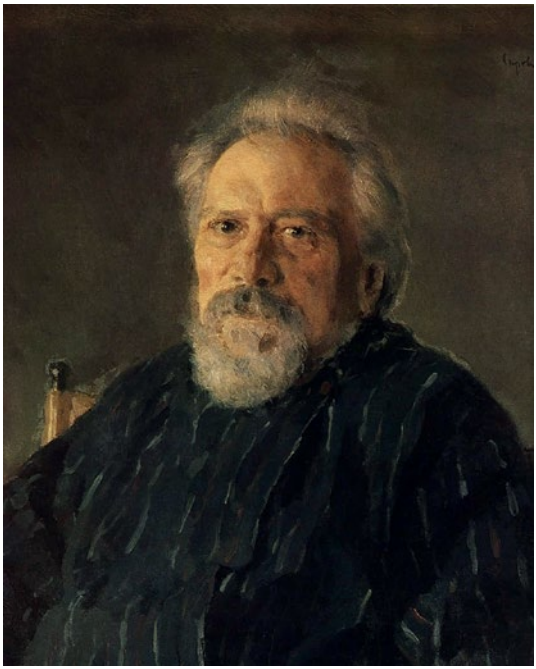
Ошибочно, однако, и допущение, что между купцом Вахрушевым и графом Шуваловым домовладелицей была мадам Гуткова. Во-первых, она вовсе не Гуткова, а *Гудкова* (Добролюбов,

[15] См.: *Дубин А. С., Бройтман Л. И.* Моховая улица. М.; СПб., 2004. С. 27. Далее в эти сведения будет внесено уточнение.

[16] См.: Улицы С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. С. 230. Княгиня Вера Фёдоровна Оболенская владела этим домом по крайней мере до середины 1870-х гг.

[17] См.: *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге: По памятным местам жизни и деятельности В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Л., 1957. С. 124, 158, 165. В действительности, современный дом № 6 занимает левую часть участка, на котором в 1858 г. находилось владение купца А. Попова под № 3.

[18] См.: *Золина Н. А., Леонтьев Н. Г.* Добролюбов в Петербурге. Л., 1971. С. 194–195.



очевидно, написал её фамилию, как услышал). Во-вторых, в конце 1859 или в 1860 г. она вышла замуж за гвардии капитана князя Николая Владимировича Оболенского и стала *княгиней Оболенской*[19]. Дом № 7 по Моховой улице (в новой нумерации!), скорее всего, был её приданым. В нём и проживал с лета 1859 г. Н. А. Добролюбов. Современный адрес дома, как уже указано выше, по-прежнему Моховая улица, № 7.

Может показаться, что проблемы, возникающие в краеведческих исследованиях в связи с изменениями в XIX в. в Петербурге систем нумерации домов, наиболее остро встают в тех случаях, когда приходится иметь дело с историческими адресами, зарегистрированными в документах до 1858-го, а особенно до 1834 г. Однако это далеко не так. Ошибочные указания современных адресов часто встречаются в краеведческой литературе, посвящённой знаменитым петербуржцам, и в тех случаях, когда исследователи располагают историческими адресами, датируемыми второй половиной XIX в. (более конкретно — периодом с 1858 по 1887 г.). У этого казуса есть свои, особые причины.

За примером обратимся к книге Л. Г. Чудновой «Лесков в Петербурге». В ней сообщается, что с января 1861 г. будущий автор «Левши» занимал комнату в квартире своего старшего друга и наставника профессора В. И. Вернадского, проживавшего на Моховой улице в доме Быченской, № 28[20]. Традиционной для книг этой серии таблицы, в которой регистрируются исторический и современный адреса, в данном издании нет, но на вклейке между с. 32 и 33 помещена фотография современного здания с подписью: «*В доме 28 на Моховой улице Н. С. Лесков жил в 1861 г.*». Как ни прискорбно, указание это также ошибочное. В обстоятельном краеведческом издании А. С. Дубина и Л. И. Бройтман «Моховая улица», на которое я уже ссылался, сообщается, что вдова вице-адмирала Ф. Т. Быченского Дарья Анастасьевна с 1834 по 1884 гг. владела домом, который сейчас

[19] См.: Родовод: Многоязычное генеалогическое древо // https://ru.rodovid.org/wk/Запись: 808697.

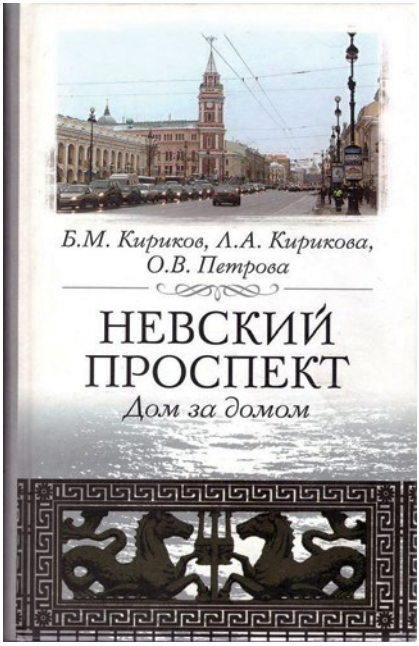
[20] См.: *Чуднова Л. Г.* Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 20–21.

числится по адресу Моховая улица, № 32. Владельцем же нынешнего дома № 28 в 1850–1870-х гг. был гвардии поручик Н. А. Худеков[21]. Следовательно, по сравнению с нумерацией домов по Моховой улице начала 1860-х гг. сегодня произошёл сдвиг на два номера, не принятый во внимание автором книги «Лесков в Петербурге».

Возникают вопросы: когда и в связи с чем это случилось и как возможно это установить?

А. С. Дубин и Л. И. Бройтман широко использовали архивные материалы. К сожалению, далеко не по каждому интересующему нас дому они сохранились в полноте и исправности. Книга «Моховая улица» вышла в 2004 г. Как же надо было вести исследование вопроса Л. Г. Чудновой в 1975 г.? Здесь у нас есть достаточно надёжный источник, к сожалению, малоизвестный краеведам.

Вторая половина XIX в. — период, когда в Северной столице ведётся бурное домостроительство: строятся новые и перестраиваются старые дома. Нередко на участке, где стояло два, и даже больше небольших домика, возводилось новое огромное здание. Случалось также, что на месте обширного участка одного домовладельца возводились два дома новых хозяев. В первом случае новопостроенный дом, чтобы избежать разрыва в уличной нумерации, получал *двойной номер*, скажем № 14–16 или № 26–28. Во втором случае, наоборот, воздвигнутые на прежде едином участке два новых дома сохраняли старый номер, но обычно с литерой, например, 32а и 32б.



В 1887 г. по решению Городской управы на большей части территории Петербурга провели упорядочивание уличных номеров. Были упразднены сдвоенные номера, а также двойные номера с литерами. В результате на многих улицах произошли сдвиги в нумерации домов либо в сторону уменьшения прежнего номера, либо в сторону увеличения. Так, в частности, на чётной стороне Моховой улицы дома́, числившиеся под № 4а и 4б, получили новые номера — соответственно № 4 и № 6, а дома под № 16а и 16б — № 18 и № 20. Поэтому у домов с № 4б по № 16а нумерация сдвинулась в сторону увеличения на один номер, а у домов с № 16б и до конца улицы — на два номера. Последний дом по чётной стороне Моховой вместо № 42 стал числиться под № 46.

[21] *Дубин А. С., Бройтман Л. И.* Моховая улица. С. 252, 236.

Именно по этой причине бывший дом вдовы контр-адмирала Д. А. Быченской взамен № 28 получил в 1887 г. № 32. Таким образом, помещённая в книге «Лесков в Петербурге» фотография современного дома № 28 неизбежно вводит читателей в заблуждение. На Моховой улице, как и на большинстве других улиц в историческом центре Петербурга, нумерация домов, присвоенная в 1887 г., сохранилась до наших дней.

Каким же источником вернее всего пользоваться краеведу, чтобы не запутаться в такой действительно архисложной ситуации? На помощь ему приходит выпущенный Городской управой в 1889 г. «Табель домов города С.-Петербурга…», в котором в табличной форме по всем улицам столицы указано соотношение новых и старых номеров. Без этого пособия во многих случаях, даже зная исторический адрес за период с 1858 по 1887 гг., надёжно установить современное местоположение интересующего нас дома весьма затруднительно.

Но вот парадокс: именно «Табель домов…» 1889 г. «выпал» из фундаментального библиографического издания «Справочники по истории дореволюционной России» под редакцией проф. П. А. Зайончковского, вышедшего 2-м изданием в 1978 г. Здесь в разделе «С.-Петербург» под № 4524 зарегистрирован лишь «Табель домов города С.-Петербурга» 1891 г., содержащий поуличную роспись домов (с указанием владельцев), которые указаны только под новыми номерами, полученными в 1887 г.[22] Может быть, и по этой причине бесценное издание 1889 г. выпало из кругозора многих петербургских краеведов.

Приведу ещё несколько досадных ошибок в краеведческой литературе, порождённых то ли упущением, то ли простым незнанием факта общегородской акции упорядочивания уличной нумерации, проведённой в северной столице в 1887 г.

Так, в новейшей книге «Невский проспект: Дом за домом» можно прочитать: «*В доме № 77/1 <угол Невского проспекта и Пушкинской улицы> работала редакция журнала „Гражданин", издателем которого был князь В. П. Мещерский, а редактором в 1873–1874 годах — Ф. М. Достоевский*»[23]. Действительно, в № 34 «Гражданина» от 25 декабря 1872 г. одновременно с объявлением о том, что с 1 января 1873 г. редактором еженедельника становится Достоевский, указано: «*Редакция переводится на Невский проспект, № 77, кв. 8*» (в этой квартире жил секретарь редакции В. Ф. Пуцыкович). Но такой номер дом, в котором располагалась редакция «Гражданина», имел именно в 1873 г. Упорядочивание нумерации домов 1887 г., разумеется, коснулось и Невского проспекта. После присвоения № 33 зданию Городской Думы, прежде не имевшему номера по Невскому, и изменения номеров домов 75а и 75б, возведённых в 1874 г. при прокладке берущей начало от Невского Пушкинской улицы[24],

[22] См.: Справочники по истории дореволюционной России: библиографический указатель / ред. и вступ. статья проф. П. А. Зайнчковского. Изд. 2-е, пересм. и доп. М., 1978. С. 521.

[23] *Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В.* Невский проспект: Дом за домом. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2009. С. 298.

[24] Первоначально имела название Новый переулок; в 1880–1881 гг. именовалась Компанейской улицей.

в конце проспекта у домов № 75б, 77 и 79 произошел «сдвиг» в сторону увеличения на два номера. То есть бывший дом № 77, принадлежавший и в 1873-м, и в 1887 г. архитектору К. Кохендорферу, получил № 81[25], который имеет и поныне. Его и необходимо указывать как современный адрес бывшей редакции еженедельника «Гражданин».

Кстати, ещё в книге «Достоевский в Петербурге», вышедшей в 1972 г., был назван адрес редакции «Гражданина» «*на Невском проспекте, в доме № 77, квартире 8*»[26]. Конечно, при желании его можно рассматривать как цитацию приведённого объявления в «Гражданине», но необходимой в таком случае оговорки с указанием современного адреса (дом № 81) в книге нет, что тоже вводит читателей в заблуждение.

В другом месте книги «Достоевский в Петербурге» можно прочесть: «*Из меблированных комнат в конце июля 1871 года писатель с семьёй переехал в дом Архангельской <…> на Серпуховской улице под № 15. Ныне его не существует. Известно только, что он стоял на участке между современными домами № 13 и № 17*» (с. 199).

Из каких источников это известно, автор книги не говорит. Надо полагать, что данные сведения приведены как *сами собой разумеющиеся*. Однако «Табель домов…» 1889 г. и здесь позволяет исправить ошибку. В ходе упорядочивания уличной нумерации в 1887 г. дом по Серпуховской улице с двойным № 3–5 получил № 3, а дом № 9–11 — № 7. В результате бывший дом Архангельской вместо № 15 стал числиться под № 11[27]. Сейчас на его месте стоит здание постройки 1904–1905 гг. Но располагается оно на участке между домами № 9 и № 13, а не там, где указано в книге «Достоевский в Петербурге»[28].

---

[25] Табель домов города С.-Петербурга с показанием новой и старой полицейской нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих, с приложением плана города С.-Петербурга. СПб., 1889. С. 127–128.

[26] *Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С. 206.

[27] См.: Табель домов города С.-Петербурга… СПб., 1889. С. 187.

[28] Помимо сказанного можно прибавить, что очень странная интерпретация предложена литературоведом Евгенией Павловной Саруханян (1900–1984) и в отношении места действия повести «Белые ночи»: «*Всё действие происходит на берегу канала. „Мечтатель" забрёл туда, к Юсупову саду, из „отдалённейшей части Петербурга"*.

В волшебную белую петербургскую ночь, на набережной узкого и извилистого канала, весьма похожего на Екатерининский, случай свёл его с незнакомой девушкой Настенькой» (с. 82).

«*…подобное объяснение совершенно не соответствует топографии местности. Юсупов (или Юсуповский) сад находится не на Екатерининском канале и даже вообще не в Коломне. Он выходит на Садовую улицу и тянется до паркового фасада стоящего на Фонтанке Юсуповского дворца. Причём как раз в этом месте канал, сделав крутой поворот у Сенной площади, отходит от Садовой улицы на очень значительное расстояние и возвращается к ней только у Никольской площади*» (*Андрианова М. Д., Мартынов Г. Г.* «Белые ночи»: по адресам повести // Новый Топонимический журнал. 2012. № 3 (40). С. 70). — *Ред.*

В завершение своих заметок рассмотрю казусный случай с одним из столичных адресов А. Ф. Кони. Известный справочник Вл. Михневича «Петербург весь на ладони», вышедший весной 1874 г., в разделе «Личный состав петербургских судебных учреждений всех инстанций» сообщает адрес прокурора С.-Петербургского суда коллежского асессора А. Ф. Кони: «Фурштатск<ая ул.>, № 33»[29]. Этот же адрес приведён и в «Новом путеводителе по Петербургу и его окрестностям», выпущенном в 1875 г.[30] Уже ожидаемо в книге В. Н. Сашонко «А. Ф. Кони в Петербурге — Петрограде — Ленинграде», в сводной таблице в конце издания этот адрес, датируемый 1873–1875 гг., представлен как современный (о чём свидетельствует также название улицы): «*Улица Петра Лаврова (быв. Фурштатская), 33*»[31]. На самом деле бывший дом № 33 по Фурштатской улице (указанный в справочниках 1870-х гг.), согласно «Табелю домов…» 1889 г., с 1887 г. числился (и ныне числится) под № 41[32].

Казалось бы, уже знакомая картина! Но есть один существенный нюанс. И в основном тексте книги, и в сводной таблице адресов указание на современный адрес по улице Петра Лаврова, № 33, сопровождается фамилией бывшего домовладельца: «Дом Кононова» (с. 93, 300). Это абсолютно точно соответствует историческим реалиям *нынешнего* дома № 33 по Фурштатской улице, который, однако, в середине 1870-х гг. числился под № 25 — что противоречит данным справочников XIX в., сообщавших адрес прокурора С.-Петербургского окружного суда.

Как можно интерпретировать этот казусный случай? Автор книги «А. Ф. Кони в Петербурге — Петрограде — Ленинграде», как и подавляющее большинство авторов книг этой серии, не сопровождает сообщаемые сведения ссылкой на источники. Поэтому о ходе его краеведческих разысканий можно только догадываться. Логика подсказывает принятие такого решения. Приняв *исторический* адрес знаменитого юриста по Фурштатской, № 33, за *современный*, В. Н. Сашонко познакомился с историей этого дома и узнал, что в 1870-е гг. его владельцем был купец 1-й гильдии Дмитрий Кононов. Из этого, судя по всему, и был сделан вывод, что юрист проживал «в доме Кононова». Казалось бы, всё получилось складно, но источники XIX в., увы, свидетельствуют о другом: в 1874–1875 гг.[33] прокурор С.-Петербургского окружного суда Анатолий Фёдорович Кони жил на Фурштатской улице в доме отставно-

[29] *Михневич Вл.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 351.

[30] См.: Новый путеводитель по Петербургу и его окрестностям: с подробным планом города. СПб., 1875. С. 63.

[31] *Сашонко В. Н.* А. Ф. Кони в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Л., 1991. С. 300.

[32] См.: Табель домов города С.-Петербурга… СПб., 1889. С. 216.

[33] В отличие от В. Н. Сашонко, указываю период проживания А. Ф. Кони по этому адресу как 1874–1875 гг. В самом начале 1874 г. юрист жил ещё по адресу: Басков пер., дом ротмистра В. Ухина, № 16, угол Знаменской ул., № 37 (современный № 22/37); см.: Справочная книжка С.-Петербургского градоначальства и городской полиции / сост. по 20 января 1874 г. СПб., 1874. С. 131. Н. В. Сашонко этого адреса не знает, предполагая, что в 1871–1873 гг. А. Ф. Кони жил по адресу: «Басков пер. 4/34(?)» (С. 50, 300).

го поручика Константина Страхова, № 33 (нынешний № 41). К современному же дому № 33 по Фурштатской улице адрес знаменитого юриста не имеет никакого отношения.

В завершение повторю: в настоящих заметках я не преследую цели «разоблачения» неверных решений краеведов прежнего времени. Да и некоторые выявленные мною ошибки на сегодняшний день уже исправлены в более поздней (и более качественной) краеведческой литературе (см., например, упомянутые книги А. С. Дубина и Л. И. Бройтман или посвящённую гоголевским адресам в Петербурге публикацию В. Шубина[34]). Впрочем, часть указанных выше ошибочных адресов, «канонизированных» в книгах серии «Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде», и ныне по-прежнему можно встретить в весьма авторитетных изданиях, в частности в многотомной энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга»[35]. Стоит ли говорить о многочисленных краеведческих интернет-сайтах, посетители которых, не вдаваясь в подробности, но, очевидно, безусловно доверяя когда-то напечатанному, продолжают обильно распространять устаревшие, ошибочные данные!

Мною, однако, главным образом двигало стремление заострить внимание на серьёзных трудностях, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся изучением Петербурга XIX в., указать причины, которыми они обусловлены. Многочисленные примеры однотипных ошибок в публикациях разных авторов (при желании их можно ещё и ещё умножить), а также их неизбежная в печати «живучесть», наглядно свидетельствуют об актуальности этой проблемы. Также мне было важно на конкретных примерах продемонстрировать методики и приёмы краеведческой работы, указать источники, обращение к которым повышают надежность и достоверность получаемых результатов.

[34] *Шубин Вл.* «Квартира моя… в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 192–195. Результаты его разысканий учтены в капитальном издании: *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя: в 7 т. Т. 2: 1829–1836. М., 2017. С. 8–9, 121, 203–204.

[35] См., например, тиражирование ошибочных адресов из книг указанной краеведческой серии: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 2: Г–И. СПб., 2003. С. 133 (Гоголь), 347 (Достоевский); Т. 3: К–Л. СПб., 2004. С. 348 (Кони), 578 (Лесков).

НОВЫЕ КНИГИ О КОЛПИНЕ

К 300-летию города Колпино, отмечавшемуся в 2022 г., колпинские краеведы выпустили несколько новых книг, на две из которых нам хочется обратить внимание читателей «Топонимического альманаха».

Обложка книги «Мемориальные и информационные доски Колпинского района»

«Мемориальные и информационные доски Колпинского района» — книга-альбом, подготовленная к изданию колпинской полиграфической фирмой ООО «Алоль» и выпущенная издательством ООО «ЮПИ». Она вобрала в себя все известные сведения по данному предмету, причём не только о ныне существующих досках, но и об утраченных. Всего получилось около 60 статей.

Авторами выступили краевед Евгений Петрович Сизёнов и Андрей Алексеевич Юдин — библиотекарь ЦБС Колпинского района. Он же сделал фотографии всех современных досок. Разумеется, помимо них, воспроизведено и много исторических снимков — главным образом, относящихся к утраченным доскам.

Из книги читатель узнаёт, что старейшей из существующих и, возможно, первой доской в Колпине стала информационная (топонимическая) доска на улице Тазаева, точнее, на угловом с нею доме 22 по Красной улице. Её открыли в мае 1965 г., когда Спортивная

улица была переименована в память Героя Советского Союза колпинца Алексея Ивановича Тазаева, погибшего в январе 1945 г. в Восточной Пруссии. На большинстве других именных улиц информационные доски появились в конце 1971 г. — это было сделано в соответствии с планом мероприятий, посвящённых 250-летию основания Ижорского завода.

Первая мемориальная доска в Колпинском районе установлена в 1968 г. в посёлке Понтонный на заводоуправлении фанерного завода — в честь вручения предприятию Памятного знамени. В 1970 г. доска появилась на здании одного из цехов Ижорского завода, пуск которого был приурочен к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Но это за заводской стеной. В Колпине как таковом первая памятная доска была установлена в 1981 г. на фасаде построенного в том же году общежития. Она напоминала о том, что на месте этого здания во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. находился дот.

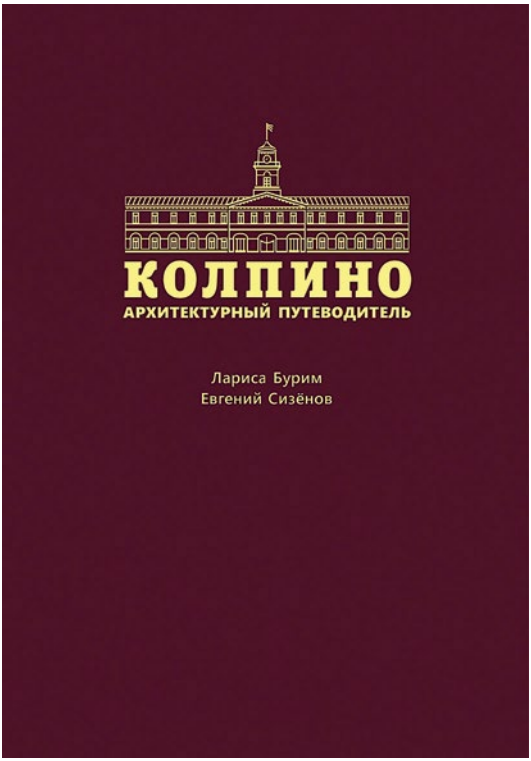
Большинство же мемориальных досок установлено в постсоветское время, и многие из них связаны с военными событиями. Несколько досок появилось внутри учебных заведений — в память о выпускниках, погибших при исполнении воинского долга в Афганистане и в Чеченской республике. В числе последних — доски в поликлиниках в память врачей и медсестёр, ставших жертвами коронавирусной инфекции.

Одна из наиболее интересных по художественному исполнению досок установлена на доме 24 по проспекту Ленина, в котором жил выдающийся советский хоккеист, первый колпинский олимпийский чемпион Николай Дроздецкий. Свой путь в большой спорт он начинал также на проспекте Ленина — на льду хоккейной коробки, сооружённой во дворе дома 15.

За рамками названия, но не содержания книги осталась единственная в Колпинском районе охранная доска, установленная на фасаде районной администрации. Исторически это здание заводоуправления (заводской конторы, канцелярии). Точную дату, когда доска была установлена Государственной инспекцией по охране памятников Ленинграда, выяснить не удалось, скорее всего, это произошло в 1970-е гг. Доска сообщает, что здание, построенное в 1803–1804 гг. архитектором В. И. Гесте, представляет собой памятник архитектуры. Заметим, что в действительности здание имеет более чем столетнюю историю строительства и перестроек, и в его нынешний вид внесли вклад и другие архитекторы и инженеры, причём ещё при жизни Гесте.

Авторы книги, будучи членами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), рассматривают её издание как направление деятельности его Колпинского отделения. Сами по себе доски как материальные носители исторической памяти — о людях и о событиях — являются важными объектами охраны. Работа над книгой дала авторам основание выступить с инициативой по восстановлению ряда утраченных досок, а также установке новых памятных знаков (это могут быть как доски, так и иная форма).

Книга **«Колпино. Архитектурный путеводитель»** (издательство «Серебряный век») вышла из печати уже в 2023 г. Помимо Е. П. Сизёнова, её автором стала директор Музея истории Ижорских заводов заслуженный работник культуры Лариса Дмитриевна Бурим,



Обложка книги «Колпино. Архитектурный путеводитель»

также член Колпинского отделения ВООПИК. Авторитетный исследователь, автор большого числа книг и статей по истории Колпина и Ижорских заводов, она давно вынашивала такую идею. «Архитектурная история Колпина ещё не написана», — неоднократно констатировала Л. Д. Бурим, прежде чем решилась взяться за столь серьёзный труд.

Концепция и структура книги рождалась постепенно и неоднократно уточнялась уже в процессе работы; были учтены и предложения представителей издательства — членов Пушкинского отделения ВООПИК Галины Груздевой и Владимира Уржумцева, который сделал для неё современные фотографии.

Словосочетание «колпинская архитектура» не должно вызывать ироничной и недоверчивой улыбки у петербуржцев и жителей других городов-спутников — бывших царских резиденций. Она по-своему интересна и хранит в себе собственную не менее замечательную историю.

В основу книги положен обширный архивный материал, она иллюстрирована 126 фотографиями, картами и планами разных лет. Её открывает большой очерк об основных

вехах градостроительной истории Колпина. Далее — рассказы о каждом из колпинских проездов, сгруппированные по шести микрорайонам. Конечно, на наиболее примечательных домах авторы остановились более подробно. Каждый рассказ завершается таблицей со структурированной информацией обо всех зданиях данного проезда.

В отдельный раздел вынесен материал о зданиях Ижорских заводов, многие из которых — объекты культурного наследия. Ещё один раздел посвящён утраченным в разное время зданиям.

Справочный аппарат включает перечень всех объектов культурного наследия Колпина, краткие биографические справки об архитекторах, принимавших участие в его строительстве, и словарик архитектурных терминов.

Вклад трёх веков в современный архитектурный облик города различен. Построек XVIII в., к сожалению, не осталось. В первой половине XIX в. сформировалась планировка села Колпино, в основном сохранившаяся в историческом центре города и поныне. От самого девятнадцатого столетия сохранилось примерно два десятка зданий, большая часть из которых — заводские. Примерно столько же зданий относится к началу XX в. Ещё полтора десятка представляют 1930-е гг.

Город, находившийся во время Великой Отечественной войны почти на передовой, претерпел серьёзные разрушения. Послевоенный период отмечен его восстановлением, хотя домов 1946–1947 гг. практически не сохранилось. Зато есть несколько десятков домов 1948–1954 гг. — «эталонные» образцы сталинского ампира в его мягких, приглушённых формах. Его сменили дома «самстроя» начала 1960-х гг. и типовые «хрущёвки», а затем типовые же дома брежневского (в это время было построено более трети нынешнего колпинского жилого фонда) и позднесоветского периодов. Постсоветское тридцатилетие внесло свой вклад в архитектурный облик Колпина, сделав его значительно более разнообразным.

В этой книге авторы затрагивают также проблему сохранения объектов культурно-исторического наследия. Напомним, что только одно колпинское здание снабжено охранной доской, а некоторые памятники архитектуры находятся в весьма угрожающем состоянии.

Книги, написанные колпинскими исследователями к юбилею Колпина, пополнили уже довольно большую, представленную десятками разнообразных изданий, библиотеку «колпиноведения». При этом в них изложены вопросы, ранее в литературе практически не находившие отражения. Авторы видят в качестве своих читателей, прежде всего, колпинцев, но надеются, что интерес к новинкам выйдет далеко за круг наших земляков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Алексей Юрьевич

Окончил факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена. Кандидат исторических наук. Ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки императрицы Марии Фёдоровны при РГПУ им. А. И. Герцена. Постоянный автор газеты «Муниципальный вестник «Княжево», публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (темы статей — история юго-западных районов Санкт-Петербурга, городская топонимия), неоднократный участник районной краеведческой конференции «Встречи на Петергофской дороге». Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Колесин Александр Николаевич

Окончил историко-педагогический факультет Новосибирского государственного педагогического института и аспирантуру философского факультета Ленинградского государственного университета. Методист и педагог-организатор учебно-воспитательного отдела Центра восстановительного лечения «Детская психиатрия» им. С. С. Мнухина. Автор серии историко-краеведческих статей и циклов передач на «Радио Мария» по истории Императорской Николаевской детской больницы.

Романовская Марина Владимировна

Окончила Санкт-Петербургскую государственную педиатрическую медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Врач высшей квалификационной категории по специальности «Психиатрия». Главный врач Центра восстановительного лечения «Детская психиатрия» им. С. С. Мнухина.

Тихомиров Борис Николаевич

Заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге, доктор филологических наук, член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г. Автор нескольких книг и ряда статей, посвященных теме «Петербург Достоевского».

Издание подготовлено
СПб ГБУДПО
«Институт культурных
программ» при поддержке
Комитета по культуре
Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
E-mail: toponim@spbicp.ru

Редколлегия:
Алексей Владимирович
Геннадий Мартынов
Андрей Рыжков

Выпускающий редактор:
Елена Хацкевич

Дизайн обложки:
Павел Яковлев

В оформлении обложки
использованы фотографии
Александра Логунова

Мнение авторов может
не совпадать с мнением
редакции

Оригинал-макет
ИП Копыльцов Павел Иванович
г. Воронеж, ул. Маршала Неделина,
д. 27, кв. 56

© Институт культурных программ, 2023
Полное или частичное
воспроизведение издания
запрещено без письменного
разрешения СПб ГБУДПО
«Институт культурных программ»

Топонимический портал Санкт-Петербурга

toponimika.spb.ru

Петербург в названиях

vk.com/toponimica

Турухтанный канал

youtube.com/@TuruhtannijKanal

30 лет
институт культурных программ
Санкт-Петербург